

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

18 декабря 2013 г.

№59

Оглавление

Колонка главного редактора	6
Четвёртый этаж — 4	7
Экономическая война	18
В ощущении тупика	19
Информационно-	

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
психологическая война	39
Отретушированный портрет — 2	40
Классическая война	60
Наука и обороноспособность в Рос- сии. Советский атомный сверхпро- ект	61
Наша война	81
Человечина под соусом аполитично- сти — 8, или Оккупационный «но- вый гуманизм»	82

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
Социальная война	117
Как разминировать ЕГЭ	118
Война с историей	139
Пилигримы Pax Americana	140
Мироустроительная война	161
На пороге изменений — 2	162
Концептуальная война	184
Итальянский фашизм во власти. Политическое оформление и фашистская практика. Часть I	185

ОГЛАВЛЕНИЕ	4
Война идей	205
Купите лук, зелёный лук, петрушку и морковку, купите нашу девочку, шалунью и плутовку...	206
Диффузные войны	сепаратистские 227
Кто стоит за нагнетанием антиислам- ских настроений в России?	228
Метафизическая война	249
Судьба гуманизма в XXI столетии	250

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	5
Культурная война	307
Слом идентичности — 3	308

Колонка главного редактора

Четвёртый этаж — 4

Кто-то очень боится, что если починят хотя бы русское время, то тут же будет починено и время общемировое. Но разве не то же самое происходило и в 1917 году?

*Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить!*

Так звучит в переводе Пастернака великая фраза шекспировского Гамлета. Может быть, самая великая из всех фраз, когда-либо ска-

занных представителем рода человеческого.

В других переводах эта великая фраза звучит иначе. В переводе Лозинского, например, она звучит так:

*Век расшатался — и скверней всего,
Что я рождён восстановить его!*

В переводе Радловой:

*Век вывихнут. О злобный жребий мой!
Век вправить должен я своей рукой.*

В переводе Кронеберга:

*Ни слова боле: пала связь времён!
Зачем же я связать её рождён?*

А теперь поинтересуемся, как это звучит в оригинале:

*The time is out of joint: O cursed spite
That ever I was born to set it right!*

Из оригинала становится ясно, что Шекспир говорит не о веке, то есть промежутке времени, а о времени как таковом.

Становится также ясно, что Шекспир говорит о порванных связях. Говорит о том, что кто-то (или что-то) поломало, вывихнуло, надорвало суставы существа по имени Время. Что существо по имени Время за счёт этого стало беспомощным. И что проклятый жребий Гамлета состоит именно в том, что он, Гамлет, должен вылечить это существо по имени Время. Существо прежде могущественное, а после такого с ним бесцеремонного обращения — беспомощное. Вылечить это существо и избавить его от беспомощности, порождённой болезнью, — вот задача Гамлета. Неслабая, согласитесь, задача.

Об этом же, но в иных выражениях говорит Александр Блок в статье «Безвременье». Вот только Шекспир считает, что Гамлет может вылечить несчастное существо по имени Время. А у Блока всего лишь описывается,

как человечки копошатся в паутине безвременья. Про то, как выбраться из паутины, Блок в «Безвременье» не говорит ни слова.

Я уже рассказал читателю о том, что симпатизирующие «Сути времени» музыканты предложили мне исполняемую ими песню в качестве гимна движения. И что осью этой песни, а также её припевом была фраза «Время выбрало нас».

Теперь я предлагаю читателю соотнести гамлетовскую коллизию с этим припевом. Мне кажется очевидным, что наше время является больным и поломанным. Или, говоря другими словами, наша фундаментальная ситуация — это ситуация безвременья. Мы должны ответить на вызов этой поломки времени (или хребта, как говорил архитектор перестройки А. Н. Яковлев).

И ответить на этот вызов можно одним-

единственным способом — починив время. Или излечив его, избавив его от out of joint (то бишь от порванности суставов, связок et cetera).

Я постоянно перечитываю великую трагедию «Гамлет». И иногда мне вдруг начинает казаться, что к Гамлету в момент, когда он уже успел побеседовать с могильщиком, но ещё не занялся вплотную починкой Времени, приходит не могучее войско Фортинбраса, а ничтожная маломощная банда. Банда крикливая, самодовольная и беспомощная. Что-то в ней распознав, Гамлет приступает к починке Времени. И после того, как Гамлет справился с починкой, Время — этот главный герой трагедии, — выздоравливая, наделяет энергией не погибающего Гамлета, а ту банду, которую Гамлет встретил на своём пути в виде какого-то, видите ли, войска. И увидев

которую, почему-то решил вплотную заняться починкой Времени.

А вот потом уже починенное Гамлетом Время начинает подпитывать бывшую банду или толпу, превращая её в войско. И Гамлет считает, что выбор обязательно падёт на Фортинбраса и его войско (оно же бывшая банда). Он говорит: *«Выбор ваш падёт на Фортинбраса, за него мой голос»*. Но почему бы ему не обратиться к Времени на «вы»? Мол, Вы, с трудом мною починенное существо по имени Время, конечно же, сделаете Фортинбраса своим избранником. И это правильно.

Спросят: «А почему время не выбрало Гамлета?»

Отвечаю. У времени, как мне кажется, есть на то три резона.

Первый. Зачем выбирать того, кто уже умирает?

Второй. Нужен коллективный избранник (войско Фортинбраса), а не индивидуум (Гамлет).

Третий, и самый главный. Время — существо, не лишённое самолюбия. Как это оно может взять да и выбрать того, кто его вылечил? То есть того, кто по определению является отнюдь не служителем этого самого времени. Так ведь?

В самом деле, как можно чинить время (если оно — поломанная машина)? Или лечить время (если оно — несчастное существо, на которое кто-то наслал порчу, болезнь и так далее)?

Заниматься этим по определению можно, лишь оказавшись вне времени. Нужно выйти за его пределы и посмотреть на него со стороны. Посмотрев же, спросить: «Нуте-с, что у вас болит?» Поговорив на эту тему с суще-

ством по имени Время, надо выявить больные точки, оказать на эти точки позитивное воздействие и добиться выздоровления. И делать всё это можно, только находясь вне времени.

А где ты можешь находиться, выйдя за рамки времени? Только в вечности, правда же? Одни выходят в вечность для того, чтобы бежать от времени. А другие, чтобы его починить/излечить и так далее. Но и те, и другие выходят из времени в вечность. Что невозможно, если ты не занимаешься метафизикой. Ибо только метафизика отвечает за такой выход. А если ты его осуществляешь с политическими целями, то и метафизика должна быть политической.

Когда еврейский мистик Шолем спорил с еврейским поклонником марксизма Беняминам, то о чём, в сущности, был их спор?

Он был о том, за счёт чего можно вылечить еврейское время. За счёт мистики, позволяющей выйти в вечность и заняться лечением времени? Или за счёт очень своеобразно — теологически и телеологически — понятого марксизма? Бенъямин считал, что за счёт марксизма можно выйти в эту самую вечность и начать лечить еврейское время. А Шолем считал, что выходить в вечность надо совсем иначе.

Теперь самая пора говорить о том, что сломано русское время. И чинить/лечить надо его. Опять же — выходя тем или иным способом в вечность. Но ведь сломано не только русское время. Заявление Фукуямы о конце истории означает, что кому-то очень хочется сломать время как таковое. И кто-то очень боится, что если починят хотя бы русское время, то тут же будет починено и время обще-

мировое.

Но разве не то же самое происходило и в 1917 году?

И не эта ли тема роднит шекспировского Гамлета с погодинскими «Кремлёвскими курантами»?

Кому-то, возможно, покажется, что, погружая читателя в эту проблематику, я увожу его от реальной политики. Но это совсем не так. Если не ответить на вызов безвременья, суть которого в том, что существо по имени Время стало беспомощным калекой, жалким больным и так далее, — то не будет будущего ни у России, ни у человечества. И все наши занятия реальной политикой не будут стоить ломаного гроша. Так что давайте одновременно заниматься и реальной политикой (прошу прочитать мою аналитику украинского конфликта и так далее), и этим са-

мым Временем. То есть стратегией и даже чем-то большим. На то мы и «Суть времени», чтобы заняться этим под практическим углом зрения, ради решения практической задачи спасения Родины и человечества.

До встречи 21 декабря 2013 года в Александровском!

И до встречи в СССР — той встречи, ради которой необходимо починить/вылечить время. То есть решить гамлетовскую задачу.

Сергей Кургинян

Экономическая война

В ощущении тупика

Окончательно созревший в России в 2012 г. элитный раскол резко усилил в России то вызванное глобальным кризисом состояние стратегической неопределённости, которое всегда смертельно опасно для любой долгосрочной хозяйственной деятельности

12-летний Чарльз Диккенс на работе.
Фред Бернارد. 1892 г.

Окончательно созревший в России в 2012 г. элитный раскол на условно «прозападную» и условно «антизападную» клановые группы прошёл не только через частно-корпоративный и властный «олигархат», но и через все государственные институты страны, включая Федеральное собрание, правительство, ФСБ и армию. И почти полностью парализовал систему разработки и реализации сколько-нибудь последовательной экономической политики.

Это резко усилило в России то вызванное глобальным кризисом состояние стратегической неопределённости, которое всегда смертельно опасно для любой долгосрочной хозяйственной деятельности.

А с августа 2012 г. эта неопределённость дополнилась ещё одним новым фактором: экономика начала жить по правилам Всемир-

ной торговой организации (ВТО). Российские предприятия столкнулись с ростом конкуренции на отечественном рынке со стороны зарубежных, прежде всего китайских, производителей, товары которых идут в страну как напрямую из Китая, так и через «прозрачную» границу Таможенного союза с Казахстаном.

Эта суммарная неопределённость не могла не сказаться на национальном хозяйстве в виде сокращения инвестиций в расширение и модернизацию производства. Предприятия, сомневаясь в своей способности выдержать конкуренцию с импортом в условиях ВТО и непредсказуемой государственной политики, боятся вкладывать в основные фонды собственные средства. Банки, сомневаясь в конкурентоспособности предприятий и гарантиях возврата кредитов, отказываются рефинансировать старые и выдавать новые кре-

даны большинству предприятий промышленного и аграрного секторов.

Каковы хозяйственно-экономические результаты?

В начале 2013 г. Минэкономразвития (МЭР) прогнозировало рост инвестиций в основные фонды в текущем году на 2,5%. Статистика на начало октября показала не рост, а фактическое падение инвестиций на 1,4%.

Прогноз МЭР по росту промышленного производства на текущий год составлял 4,7%. В начале декабря Росстат признал, что в этом году рост промпроизводства нулевой. Причём этот «ноль» обеспечивается относительным благополучием в сырьевых отраслях, а по многим отраслям обрабатывающей промышленности, включая автопром и тяжёлое машиностроение, налицо падение производства.

Некоторые «провластные» эксперты

утверждают, что на самом деле это результаты пока неполной статистики, и по итогам года всё будет лучше. Однако есть такой прямой и оперативный показатель, как грузооборот железнодорожного транспорта. А он с начала года по октябрь упал на 2,5%.

Ещё один симптом надвигающегося системного кризиса — то, что впервые с 2009 г. в России начала расти безработица. Даже по официальным данным Росстата (как считает большинство экономистов, существенно заниженным), она за год поднялась с 5,2% до 5,5%. Но это, как говорится, средняя температура по больнице. А в моногородах и депрессивных регионах (в том числе на взрывоопасном Северном Кавказе) безработица составляет устойчивые десятки процентов.

Наконец, в начале года официальный прогноз роста ВВП России на текущий год

составлял 4,5%. В начале декабря глава Минэкономразвития А. Улюкаев назвал новую цифру — 1,4%. Что практически означает отсутствие экономического роста.

Куда при этом шли деньги банков, которых оказалось лишено большинство предприятий? Прежде всего, на потребительское кредитование населения. Которое и было главным источником потребительского спроса и основным «генератором» российского экономического роста последних лет. К осени 2013 г. суммарная закредитованность российских домохозяйств достигла 15,5% ВВП.

По меркам развитых стран это не так много. Однако с учётом низких реальных доходов российского населения — это почти пять месячных зарплат на каждого занятого в экономике. Но главное даже не это. В текущем году начала стремительно расти просрочен-

ная задолженность по кредитам физических лиц: с января по октябрь она поднялась с 386 до 600 млрд руб.

Знаменательно, что ипотечные (то есть работающие на национальную экономику) займы населения из общей суммы кредитов составляют менее трети. А более 70% кредитов — это займы (как правило, под очень высокий процент) на приобретение потребительских товаров. Причём товаров почти полностью (примерно на 85%) импортных. То есть основная доля российского потребительского кредитования — это фактическая поддержка зарубежных экономик в ущерб экономике национальной.

Однако и это не всё. Просроченная задолженность по кредитам — это рост доли «плохих» (то есть сомнительно обеспеченных) активов у банков-кредиторов. А снижение ре-

альных располагаемых доходов населения и рост безработицы в новой волне российского экономического спада (или, как вежливо определяют официальные инстанции, «резкого замедления роста») приводят к массовому обострению «кредитной осторожности» наших граждан. И, значит, ещё и к сокращению кредитных процентных доходов банков-кредиторов.

В результате немало российских экономических экспертов (в частности, из Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования) уже с октября говорят о растущих рисках или даже неизбежности общероссийского банковского кризиса.

И дело здесь не только в сокращении возможностей банков полноценно зарабатывать на схлопывающемся инвестиционном и потребительском кредитовании. Дело ещё и в том,

что очень многие банки вместо такого кредитования занялись высокоприбыльными, но рисковыми операциями игры на финансовых рынках. А некоторые из этих банков ускоренно занялись ещё более прибыльными операциями теневой «обналички», а также созданием легальных и криминальных цепочек конвертации рублей в валюту и её вывода за рубеж. То есть одной из тех форм дериватива национальной экономики, которую мы обсуждали ранее.

Что в результате? Если на пороге 2013 г. Минэкономразвития прогнозировало чистый отток капитала из России в текущем году не более \$10 млрд, то последний декабрьский прогноз того же МЭР — не менее \$60 млрд.

Всё перечисленное не могло не сказаться на состоянии федерального и региональных бюджетов. Их доходы (исключая стабильные

пока(!) нефтегазовые доходы) снижаются из-за недобора налогов в сравнении с планом, поскольку падают прибыли предприятий в производстве, сфере услуг, торговле. И 1 сентября Президент В. Путин объявил о необходимости сокращения бюджетных расходов.

В середине сентября Минфин обнародовал новые проектировки расходов и доходов федерального бюджета. Если ранее в трёхлетнем проекте бюджета на 2013–2015 гг. доходы в 2014 г. планировались в 14,06 трлн руб., а расходы — в 14,2 трлн руб., то новые цифры доходов и расходов составили 13,6 трлн руб. доходов и 13,98 трлн руб. расходов. Сокращение на первый взгляд непринципиальное, но... с учётом хотя бы официальной инфляции оно означает уменьшение бюджета примерно на 7% по сравнению с прежним планом!

Ещё сложнее ситуация с бюджетами ре-

гионов. Если не считать немногочисленные «благополучные» столичные и нефтегазовые субъекты Федерации, то налицо быстро растущие региональные бюджетные дефициты. Большинство регионов в условиях снижения экономической активности и доходов предприятий «недобирают» налоги и, значит, не могут полноценно финансировать необходимые инфраструктурные, градостроительные и прочие программы.

По объявленной 5 декабря оценке главы Минфина А. Силуанова, суммарный рост доходов регионов России в 2013 г. составил 1%, в то время как рост расходов — 6–7%. Но поскольку на регионах лежит большая часть «неотменяемых» социальных обязательств, это вынуждает региональную власть наращивать свои долги перед банками и федеральным бюджетом. Кроме того, немало регио-

нальных банков — как и банков столичных — активно участвуют в дерибанной финансовой деятельности, выводя за рубеж капиталы местной (и не только местной) элиты.

В 2013 г. к перечисленному выше добавился ещё один существенный для России «кризисогенный» фактор. Уже в 2012 г. наращивание добычи в США и Канаде сланцевых газа и нефти повлияло на мировые рынки энергоносителей и породило в Европе оптимистические ожидания снижения зависимости от энергопоставок из России. При этом рецессия в Европе снизила потребление энергии европейской промышленностью и ужесточила для российского газа конкуренцию на европейском рынке. Это, соответственно, ухудшило прогнозы стабильных поступлений в Россию газовых экспортных доходов.

В октябре 2013 г. в результате остано-

ки (или задержки?) внешней агрессии против Сирии и резкого изменения ближневосточной политики Вашингтона замаячила перспектива задруживания США с Ираном. То есть снятия международных санкций с Тегерана и полномасштабного возвращения на мировой рынок иранского нефтяного экспорта.

В условиях явного обострения отношений между США и Саудовской Аравией такой сценарий, как считает немало экспертов, не исключает отказа нефтяного картеля ОПЕК (где решающую роль по-прежнему играют саудиты) от поддержки высоких мировых цен на нефть. А если в результате вступления в игру Ирана нефтяные цены обрушатся, сразу окажется под вопросом обеспечение российской экономики и российского бюджета главными — нефтегазовыми — экспортными доходами.

Представляется, что США (для которых добыча сланцевых газа и нефти рентабельна только при нынешних высоких энергетических ценах) такого поворота событий постараются (и сумеют) не допустить. Однако дополнительный риск, усиливающий кризисную неопределённость в мировой и российской экономике, налицо, и он не может не сказаться и на экономических прогнозах российской власти, и на экономическом поведении расколотой российской элиты.

Нельзя сказать, что власть этого не понимает. Назначение в июле 2013 г. на пост главы Центробанка Э. Набиуллиной вместо С. Игнатьева привело к активизации ЦБ в части отзыва лицензий у ряда достаточно крупных банков, проблемных и в смысле качества активов, и в смысле обналичной и отмывочной деятельности. Если в первой половине года —

при Игнатьеве — ЦБ отзывал лицензии только у трёх банков, то во второй половине года — при Набиуллиной — таких банков уже оказалось почти 30, и это, видимо, ещё не конец.

Однако внятных разъяснений по поводу причин отзыва лицензий власть не даёт. И потому взбудораженная и расколотая элита полна противоречивыми слухами: то ли это один из фронтов экономической войны между элитными кланами, то ли попытка власти прибрать к рукам (то есть перетянуть в госбанки) большинство вкладов населения, напуганного ликвидацией частных банков населения, то ли это политика затыкания дыр утечки капиталов и снижения рисков общего банковского кризиса, то ли, напротив, провоцирование общей финансовой паники и этого самого банковского кризиса.

Также очень по-разному интерпретиру-

ется и решение власти посягнуть на «священную корову» двадцатилетней российской либеральной политики в духе «Вашингтонского консенсуса», который мы обсуждали ранее. А именно отказ от хранения полной «корзины» валютных резервов страны в форме ценных бумаг США и Евросоюза (что фактически является валютным финансированием геоэкономических и геополитических конкурентов России) и решение направить часть этих резервов (до 40% ресурсов Фонда национального благосостояния) на инвестиции в стратегические государственные проекты. Оценки этого решения в расколотом элитном сообществе опять-таки полярные: от разумного стремления власти обеспечить государственно-частным финансированием решение приоритетных инфраструктурных проблем — до попытки «путинского

режима» поддержать в кризисе воровские аппетиты приближённых элитных кланов.

В этом же русле — подготовка Госдумой проекта закона «О государственном стратегическом планировании в России», принятия которого В. Путин потребовал в одном из своих майских указов 2012 г., сразу после инаугурации. Злые языки в элите заговорили о «восстановлении Госплана» и «возврате в СССР». Но, хотя это и признак явного отступления Президента от ультралиберальной постсоветской экономической политики «невмешательства государства в экономику», пока совершенно неясно, как возможны разработка и реализация осмысленной долговременной государственной стратегии в отсутствие в стране институтов, кадров и автономных управленческих и финансовых ресурсов государства для такой работы. А также в

условиях конфликтного раскола практически всей хозяйственно-экономической и политической элиты.

Ещё один новый сюжет, чрезвычайно взбудораживший российское элитное экономическое сообщество, заявил Президент В. Путин 12 декабря 2013 г. в Послании Федеральному собранию. Путин сказал о необходимости «деофшоризации» российской налоговой системы. То есть о будущих законодательных новациях, требующих от зарегистрированных в оффшорах корпораций, ведущих экономическую деятельность в России, платить налоги в российский бюджет. Очевидно, что попытка создания и реализации такого законодательства (которое, кстати, уже применяется во многих странах) коснётся огромной части российской олигархической и властной элиты. И,

значит, дополнительно обострит элитный раскол.

Пока признаки обострения этого раскола очевидны в основном в информационно-пропагандистской сфере, где воюющие стороны обмениваются всё более грубыми оценками и эпитетами. Однако можно предполагать, что по мере углубления кризиса основная борьба переместится в сферу изменений законодательства (в администрацию президента, Правительство, Госдуму и Совет Федерации). А затем, не исключено, и на улицы — по нынешнему украинскому образцу.

Юрий Бялый

Информационно- психологическая война

Отретушированный портрет — 2

Бахтин помог ряду своих молодых приверженцев совершить отречение от марксизма, а также утвердиться в мысли, что быть антисемитом не стыдно

Кожинов настаивает, что хотя в СССР публично говорить о приверженности той или иной религии, в том числе православию, было фактически невозможно вплоть до конца 1980-х годов, дело не сводилось только к запретам со стороны официальной власти. Табу на «православную тему» пытались наложить и те, кто находился в оппозиции к «режиму». Пример — журнал «Новый мир» под руководством А. Твардовского, считавшийся в 1960-е годы очагом свободомыслия. В журнале *«регулярно публиковались предельно резкие антирелигиозные материалы...»*, — пишет Кожинов.

Ещё один пример, к которому обращается Кожинов, — нетерпимое отношение лидера диссидентов А. Сахарова, *«более или менее сочувственно говорившего о других религиозных исповеданиях»*, к православным

убеждениям А. Солженицына («гуру» другой части антисоветской оппозиции). Сахаров в 1974 году объявил, что *«религиозно-патриархальный романтизм»* есть одна из *«направленностей»*, которые приводит Солженицына *«к очень существенным ошибкам, делают его предложения утопичными и потенциально опасными»*. . . То есть для идеи, отстаиваемой Сахаровым, православие было *«столь же неприемлемо, как и для коммунизма. . . »*, — подытоживает Кожин.

Итак, в 1970-е антисоветская оппозиция уже вполне внятно разделилась на либеральное и русско-националистическое крыло, и водораздел между этими группами проходил, в том числе, по вопросу о православии. Кстати сказать, ретуширование портретов Сахарова и Солженицына, этих «духовных ли-

деров» различных антисоветских оппозиционных крыльев, вполне достойно отдельного описания. Ибо осуществлялось оно смелою рукою, не скупившейся на выразительные штрихи и яркие мазки. В результате отретушированные портреты выглядели очень даже притягательно (каждый — для своего контингента).

Но мы сейчас рассматриваем не 1970-е, а 1960-е годы, когда русско-националистическая группа только начинала приобретать свои очертания. Как уже было сказано ранее, ядро этой группы могло сложиться только в поле притяжения мощной харизматической фигуры, задающей некие константы (которые и определяли в дальнейшем характерные особенности данной группы). Такой «притягивающей» фигурой стал Бахтин. О каких же константах идёт

Константа №1 — принципиальное, не знающее полутонов неприятие идеи коммунизма, а также вытекающий из этого неприятия антимарксизм. Напомню фразу Турбина (в те годы преподавателя МГУ, прививавшего своим студентам интерес к «бахтианству») о том, что в Саранск к Бахтину ехали на поклон за «избавлением от марксизма». Марксизм в течение нескольких десятилетий был для многих советских людей непререкаемой догмой. А отказ от догмы никогда не происходит легко. Чтобы человек отступил от догмы, необходимо воздействие очень мощного духовного авторитета, способного поставить догму под сомнение. Таким авторитетом и стал — пусть для узкого круга «первопроходцев» — М. Бахтин.

Константа №2 — антисемитизм, жёстко

увязывающий красный проект (и вообще все беды России) с «еврейскими происками». В СССР начала 1960-х, несмотря на несколько кампаний, проведённых в относительно недавние позднесталинские времена и воспринимавшихся многими именно как «война с засилием кагала» («дело врачей», борьба с космополитизмом и пр.), эта тема считалась неприличной. Снять табу и перевести данную тему из разряда «неприличных» в разряд «приличных» можно было опять-таки только с помощью мощного духовного авторитета. И Кожинов прямо говорит о том, что таким авторитетом стал для него Бахтин.

По словам Кожинова, до встречи с Бахтиным он общался *«почти исключительно с евреями* (Кожинов имеет в виду, в частности, своих преподавателей с филологического факультета МГУ, например, Л. Пинского

— А.К.). Потому что русских не было, они исчезли (после революции — А.К.), то есть русские высокого интеллекта и высокой культуры, их почти не было... Когда в первую встречу с Бахтиным я приехал к нему с двумя друзьями, и мы задали ему вопрос: Вот скажите, Михаил Михайлович, что нужно читать, чтобы понять Россию и мир? Он, почти не задумываясь, сказал: «Читайте Розанова»...

Встретившись с Бахтиным через год, Кожин спросил его: «Михаил Михайлович, я не могу понять, как вы порекомендовали Розанова, а ведь он такой страшный антисемит». На что Бахтин ответил: «Что ж поделаешь, но примерно так же думали и писали... почти все великие писатели и мыслители России, начиная с Пушкина, Лермонтова, Гоголя или Киреева,

Аксакова и прочая... Так все думали, потому что это и воспринималось как реальная опасность, реальная угроза».

Слова Бахтина произвели в Кожинове «колоссальный перелом»: «В то время не было человека в мире вообще, который мог бы меня вот так вот изменить. Мне до этого представлялось, что ... культурный человек не может ничего говорить против евреев. Ну хотя бы потому, что это такой страдающий народ, гибнет от рук нацистов, что это недопустимо. Я повторяю: если бы не Бахтин, я, может быть, и сегодня придерживался бы этого взгляда».

Итак, Бахтин помог ряду своих молодых приверженцев совершить отречение от марксизма, а также утвердиться в мысли, что быть антисемитом не стыдно. Коль скоро все

великие творцы русской культуры были антисемитами (конечно, не на бытовом уровне, а, так сказать, в идейном плане), то ничего дурного в антисемитизме нет! Такой посыл открывал дорогу к отречению уже не только от марксизма, но и от красного проекта в целом. Ибо оказывалось, что русского коммунизма (сокровенную суть которого Петрову-Водкину удалось запечатлеть на своих полотнах) нет. Есть пакость, навязанная русским ненавидящим их «кагалом».

Константа №3 (с которой мы, собственно говоря, и начали) — приверженность православию. Кожинов неслучайно, говоря о Бахтине, вновь и вновь возвращается к этой теме. По словам Кожинова, то, что Бахтин — человек религиозный, люди, близко его знавшие, понимали *«после первых же откровенных разговоров с ним»*. В частности, Кожинов

вспоминает: «Однажды в Саранске он (Бахтин) в течение нескольких часов, затянувшихся далеко за полночь, говорил мне о Боге и Мироздании, говорил так, что я ушёл в гостиницу в буквальном смысле потрясённый и не мог уснуть до утра, пребывая в никогда не испытанном духовном состоянии...»

Казалось бы, уже завершив свою мысль о глубокой религиозности Бахтина, Кожинов добавляет: «И ещё: на вопрос о соотношении христианских конфессий Бахтин, не задумываясь, сказал (как о давно решённом), что человек, причастный России, может исповедовать именно и только православие...»

Почему Кожинов делает специальную оговорку о том, что Бахтин — человек православный? Потому что разговоры о «странной

религиозности» Бахтина — велись. И это признаёт сам Кожин. Например, он упоминает о распространённом представлении, согласно которому мировоззрение Бахтина будто бы было готово *«принять любые толкования и ереси...»*

А ещё он пишет (я уже приводила эту цитату в одной из статей, но приведу её ещё раз): *«... есть немало читателей Бахтина, которые сомневаются не только в его православности, но и в религиозности вообще. Камнем преткновения являются в этом отношении прежде всего бахтинские исследования народной смеховой культуры — в особенности его книга о Рабле, воспринимаемая некоторыми читателями даже как нечто «сатанинское»...»*

Кожин пытается доказать, что «обви-

нения такого рода направлены... вовсе не против Бахтина, а против католицизма, в котором материально-телесная стихия имеет совершенно иное значение, чем в православии... В бахтинских трудах, раскрывающих материально-телесную стихию книги Рабле и других явлений западной литературы, нелепо усматривать нечто противоречащее религии; перед нами объективное и глубокое раскрытие тенденций, присущих культуре, которая существовала и развивалась, как и доказал Бахтин, всецело в лоне католицизма... Бахтин раскрыл во всей полноте то, что... можно определить как «католический менталитет»...

Так что свои обвинения те, кто усомнился в религиозности и православности Бахтина, должны, согласно рекомендации Кожина,

адресовать «не Бахтину, а складывавшемуся веками католическому бытию и сознанию...»

В подтверждение же «представления о глубоко православной основе жизни» самого Бахтина КожинOV ссылается на рассказ С. Бочарова, согласно которому Бахтин с юности и до самой кончины не расставался с образком Серафима Саровского...

Давайте остановимся на этом и внимательно рассмотрим портрет Бахтина, отретушированный В. КожинOVым с расчётом на успех в русско-националистической аудиторией. Как выглядит данный портрет?

Пункт А: Бахтин — из древнего, ещё до-романовского, дворянского рода... КожинOV был первым, кто опубликовал эту информацию. (Соответствие данного факта действительности вызывает у исследователей сомне-

ния, о чём было сказано в предыдущей статье. Но Кожинов оставляет эти сомнения за скобками).

Пункт Б: Бахтин — гениальный исследователь, присягнувший высокой досоветской «Культуре Вечности», к которой он был приобщён... (Может быть, «гениальный» — слишком громко сказано. Но, безусловно, очень талантливый и высокообразованный. Так что тут Кожинов почти не перебирает.)

Пункт В: Бахтин — человек, «не освящённый Октябрём», непримиримый к марксизму и русскому красному проекту в целом... (Это очень важный для тех, кто совместно с Кожиновым начал «вздымать святоотеческую хоругвь», пункт — равно как и последующие пункты Г и Д.)

Пункт Г: Бахтин — подлинно русский человек, свободный от предрассудков на тему

«обсуждать еврейский вопрос — неинтеллигентно»...

Пункт Д: Бахтин — глубоко верующий православный христианин, и почти все его ключевые идеи имеют русско-православный стречень...

А вот тут возникает серьёзная загвоздка. Понятно, что с точки зрения русского националиста «правильный» портрет Бахтина должен включать не общие разглагольствования на тему о предрасположенности мыслителя к религиозной философии, а конкретные подтверждения его глубокой приверженности русской православной традиции. Собственно говоря, Кожинов ведь именно этим и занимается — пытается доказать, что Бахтин был православным.

Но вот незадача! Д. Урнов (тесно общавшийся с Бахтиным в тот же период времени,

что и Кожинов) утверждает, что Бахтин был католиком. И говорит об этом, как о чём-то, что очень хорошо известно В. Кожинову.

В уже не раз упомянутой мною статье «Вадим и Бахтин» Урнов рассказывает о том, как Бахтину была доставлена из британского Шекспировского института *«стопка пахнувших тленом и плесенью тетрадей»* — бумаги его покойного к тому времени родного брата Николая. На вопрос Урнова Кожинову, читал ли бумаги брата Бахтин, Кожинов ответил отрицательно (далее Урнов воспроизводит, не прибегая к прямой речи, ответ Кожинова): *«Нет, лишь шевельнул эту стопку и отодвинул прочь. Он католик, а брат чуть ли не коммунист! В поздние годы, взамен полного неверия во что бы то ни было — издалека, в эмиграции, Николая Михайловича осенила на-*

дежда на наш коммунизм — ведь надо же человеку куда-то пойти. У него в кабинете висели фотопортреты Сталина и Маяковского». Всё это, по словам Урнова, рассказала Кожинову дама, привёзшая из Великобритании бумаги Николая Бахтина. А тот пересказал Урнову.

Но Урнов не ограничивается этим и в той же статье во второй раз упоминает, что Бахтин — католик. Повествуя, как сотрудники «Молодой гвардии» («молодые ленинцы, впавшие в настроения ретроградные») «охмурили» работавшую в этом комсомольском издательстве дочь Андропова Ирину, и та упросила своего всесильного отца перевести Бахтина из Саранска в Москву, Урнов задаётся вопросом: «Как же это вдруг Ленинский комсомол встал за феноменолога да ещё католика?..»

Правдоподобие (точнее, неправдоподобие) сюжета о том, как папа расстарался ради любимой дочери, мы уже обсудили ранее. Здесь же я хочу обратить внимание читателя на следующее: информацию о том, что Бахтин — католик, опубликованную Урновым в «Нашем современнике» в 2006 году (Кожина уже не было в живых, но ещё были живы многие из тех, кто с близкого расстояния наблюдал за взаимодействиями Бахтина с кожиновской компанией в 1960-е годы), никто не оспорил.

Если Бахтин действительно был католиком, то причина лукавства Кожина в этом вопросе в общем-то понятна: ему не с руки было делиться такой биографической подробностью с русскими националистами. Но нам-то что с того, был Бахтин католиком или нет? Мало ли кто в России тяготел к католи-

цизму? Владимир Соловьёв (которого, между прочим, Бахтин ценил высоко)... Вячеслав Иванов (и его Бахтин ценил очень высоко)...

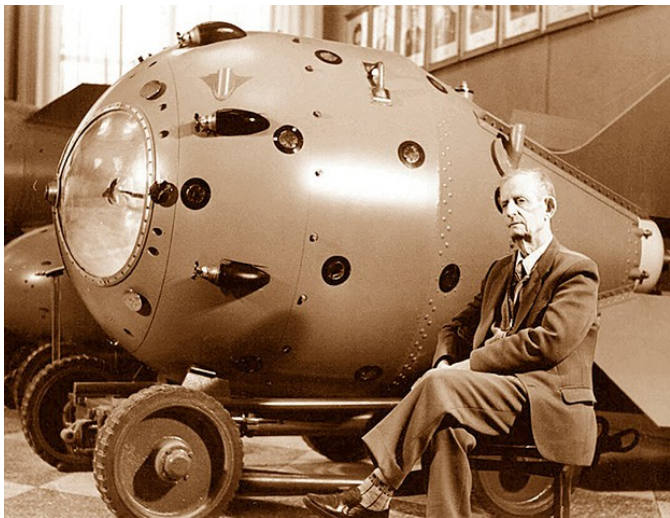
Мы обязательно вернёмся к этой непростой теме в следующей статье. А рассмотрев её, подведём, наконец, черту под длительным блужданием по закоулкам бахтинской биографии.

Анна Кудинова

Классическая война

Наука и обороноспособность в России. Советский атомный сверхпроект

До момента создания советской бомбы в чреве холодной войны вызревал американский замысел ядерного блицкрига против СССР

Академик Ю.Харитон у макета советской
атомной бомбы РДС-1

В последовательном развитии европейской физической науки (отечественной в том числе) в 30–40-е годы XX века произошёл революционный скачок, который случается,

возможно, раз в тысячелетие: человек проник в тайны атомного ядра. Да, проник грубо, утилитарно, с первобытной целью сделать из этих тайн оружие — но он сумел это сделать.

Проникнуть в тайны атомного ядра... Да же само это проникновение (а ведь оно не означает осуществление атомного проекта!) оказалось по плечу считанным странам и национальным научным школам — и русская научная школа была среди этих немногих.

Что же касается перехода от научных открытий к техническому их освоению, то надо признать: трудности на пути такого перехода для послевоенного СССР были так велики, дороговизна промышленной реализации перехода была настолько неподъёмной, что осуществление атомного проекта в СССР и впрямь является рукотворным чудом. А также подвигом... А также...

Короче, атомный проект, необходимость экстренной реализации которого была поставлена перед СССР в 1945 году, был ему не по силам. Это было ясно американцам, которые уверенно утверждали, что для создания атомной бомбы Советскому Союзу понадобится не менее 10 лет. Это было достаточно ясно и советскому руководству.

Огромными были масштабы разрушений, нанесённых войной. Сотни сметённых с лица земли городов, десятки тысяч разрушенных сёл, а также дорог, мостов, электростанций. Для их восстановления нужны были годы — и огромный труд.

Сельское хозяйство всю войну работало на пределе — сейчас его надо было фактически поднимать заново. Хлебные чернозёмные области страны только год назад были освобождены от оккупации, МТС, фермы и зерно-

хранилища — разрушены, не было техники — вновь, как до революции, пахали на лошадях и волах. Не хватало не только специалистов — просто трудоспособного мужского населения. Если не заняться этим первоочередным образом — наступит голод (он и наступил после засухи 1946 года).

Промышленность работала, но она практически вся была оборонной, т.е. переведена на выпуск военной продукции. Кроме того, за годы войны от чрезмерных нагрузок изнашивался и пришёл в негодность станочный парк. Какую-то часть удалось компенсировать за счёт репараций, но остальное надо было обновлять самим.

В этих условиях было почти безумием тратить огромные средства на атомные исследования, отвлекать лучшие кадры и стратегические запасы на строительство циклотро-

нов, ускорителей для исследований по физике атомного ядра, самого реактора, на организацию новых производств — и всё это с неочевидным результатом.

Почему с неочевидным? Потому что даже знание того, что задача уже имеет решение, что бомба создана, не гарантировало от десятков и сотен ошибок на пути решения крайне нетривиальной проблемы. А каждая ошибка могла привести в тупик, израсходовав драгоценные ресурсы и, главное, время.

Но отступать было некуда — союзники по антигитлеровской коалиции на глазах превращались во врагов, а США были просто околдованы единоличным владением невероятным сверхоружием и, впервые за свою историю отбросив стратегию изоляционизма, возжаждали мирового господства.

Сталин и советское руководство понима-

ли, что у американцев действительно появился мощнейший геополитический козырь, и противопоставить ему пока можно было только непобедимую Красную Армию. Но даже лучшая в мире сухопутная армия не могла противостоять американской армии, вооружённой атомными бомбами. Притом что число этих бомб росло с каждым месяцем. Политические манёвры советского руководства могли продлить необходимую нам паузу. Но стратегическую ставку можно было сделать только на равноценную американской советскую бомбу.

А это значило, что власть оказалась заложницей собственных учёных. Тех самых, которых ещё совсем недавно обвиняли в троцкистских и иных заговорах и сажали в «научные шарашки». Сейчас же от них зависело, захотят ли и смогут ли они в творческом по-

рыве в кратчайшие сроки создать советскую бомбу. При этом других учёных, как и «других писателей», у Сталина не было.

К чести советских учёных надо сказать, что ни у кого из них не возникло мысли шантажировать власть этой зависимостью. Напротив, наши учёные ещё до войны постоянно теребили власть, обращая внимание на важность программы атомных исследований, требуя перевести эту программу на государственный уровень.

В июне 1940 года академик В. И. Вернадский получил из США письмо, в котором была вырезка из майского номера «Нью-Йорк таймс» со статьёй «Громадный источник мощи, открытый наукой в энергии атома». Прочитав статью, Вернадский записал в дневнике: *«Никогда не думал, что доживу до реальной постановки вопроса об использова-*

нии внутриатомной энергии».

Вернадский тут же потребовал создания комиссии при Академии наук по разработке плана исследования урановых руд, поиску методов разделения изотопов урана и управлению процессами радиоактивного распада.

17 июля 1940 года Вернадский записывает в дневнике: *«Огромное большинство не понимает исторического значения момента. Любопытно — ошибаюсь ли я или нет? Надо записку в Правительство. Превратить Урановый центр при геолого-географическом отделении в Комиссию при Президиуме. Ввести в неё физиков и химиков».*

В ноябре 1940 года состоялось Всесоюзное совещание по физике атомного ядра, на котором И. В. Курчатов и Ю. Б. Харитон выступили с обстоятельными докладами об услови-

ях осуществления цепной реакции. Курчатов уже тогда наметил основные пути использования ядерной энергии и указал на технические трудности, с которыми придётся столкнуться. На совещании было решено обратиться к Правительству с просьбой о выделении больших средств на строительство уранового котла. Но до начала войны начать программу исследований не удалось.

А уже летом 1940 года вся западная информация по ядерной проблематике оказалась закрытой, что лучше всех других признаков говорило о военной значимости работ по урану.

В ноябре 1941 года Г. Н. Флёров, позже академик, а тогда молодой физик-ядерщик, один из ближайших сотрудников Курчатова, пишет письмо Сталину, где обосновывает и развивает идею возобновления ядерных ис-

следований. Письмо остаётся без ответа.

В апреле 1942 года Флёрв в новом письме Сталину бьёт тревогу: *«Вопрос либо замалчивается, либо от него просто отмахиваются: уран — фантастика, довольно с нас фантастики, кончится война — будем на свободе заниматься этим вопросом... В чём я ошибаюсь? Переоцениваю ли значение «проблемы урана»? — Нет, это неверно. Единственно, что делает урановые проекты фантастическими — это слишком большая перспективность в случае удачного решения задачи».*

Флёрв был абсолютно прав — в декабре 1942 года в США в глубокой тайне под руководством итальянского физика-эмигранта Э. Ферми была осуществлена цепная реакция в первом исследовательском реакторе CP-1, построенном в Чикагском университете. Од-

нако даже США лишь через два с лишним года, в начале 1945-го, смогли запустить первый промышленный реактор. Столько времени понадобилось для решения проблемы не пострадавшей от войны Америке, обладающей мощной индустрией и сконцентрировавшей на создании бомбы, без преувеличения, лучшие научные силы мира.

Письма Флёрова, данные агентурной разведки из Великобритании и записи убитого немецкого офицера о работе над «сверхоружием» в Германии, переданные в Центр легендарным партизаном-диверсантом полковником И. Г. Стариновым, послужили импульсом для возобновления ядерных исследований в СССР. Но приступить к исследованиям удалось лишь в 1943 году, а к практической реализации проекта — только после войны.

Итак, 11 февраля 1943 года Государ-

ственный Комитет Обороны принял решение «Об организации научно-исследовательских работ по использованию атомной энергии». Научным руководителем урановой проблемы в СССР был назначен И. В. Курчатов, 40-летний энергичный физик-ядерщик, куратором этих работ — заместитель председателя ГКО Л. П. Берия.

12 апреля 1943 года в Москве, в районе Покровское-Стрешнево, в качестве головной организации для исследований в области ядерной проблемы была создана Теплотехническая лаборатория №2 АН СССР во главе с И. В. Курчатовым (ныне Федеральный научный центр «Курчатовский институт»). Курчатов был избран в Академию наук СССР.

Для лаборатории были созданы максимально льготные условия, возможные во время войны. Рабочие, инженеры, техники, слу-

жащие, занятые на строительстве лаборатории №2 АН СССР, освобождались от мобилизации, необходимые механизмы и автотранспорт не забирались на нужды фронта. 27 наркоматов и ведомств обязывались поставлять оборудование и инструмент для строительства лаборатории. Уже в декабре 1944 года предлагалось заказать за границей приборы, оборудование, научно-техническую литературу на 200 тысяч долларов, выделить лаборатории 16 импортных металлорежущих станков. Для поизносившихся научных сотрудников выделялись 50 комплектов пальто, костюмов, 70 пар обуви и т.д.

Непосредственный участник атомного проекта академик А. П. Александров позднее вспоминал: *«Начались работы по всему фронту огромного плана, в них уже принимали участие крупнейшие руководите-*

ли разных секторов промышленности — Б. Л. Ванников, М. Г. Первухин, В. А. Малышев, А. П. Завенягин, Е. П. Славский. Сам же Курчатов сформировал не только фронт работ по решению задачи создания атомной бомбы, но и по проектированию ускорителей для исследований по физике ядра, по разведочным работам в области атомной энергетики и первоначальным поискам в области термоядерных реакций».

Одновременно с организацией необходимых производств развернулись исследования в области ядерной и космической физики, радиохимии, физической химии и других наук, поиски радиоактивного сырья, разработка методики получения чистого графита. Возникли новые научные направления и новые отрасли промышленности.

Ключевой проблемой было получение сотен тонн графита высочайшей чистоты и десятков тонн металлического урана. В СССР ни тот, ни другой никогда не производились. Начались напряжённые исследования на обоих направлениях.

В конце 1944 года в Государственном институте редких металлов (Гиредмет) были получены первые порции чистого металлического урана, а в конце 1945 года начато его заводское производство. Графит был получен объединёнными усилиями учёных разных специальностей и заводских работников. В октябре 1945 года на Московском электродном заводе начался выпуск графита для реактора.

В 1945 году темпы организаторской работы ГКО нарастают.

В январе этого года в секретном Поста-

новлении №7 408 за подписью Сталина указывается необходимость организации поисков природного урана в Болгарии. Одновременно для поисков урана организуются геологоразведочные и поисковые партии в Средней Азии (Ферганская геологоразведочная экспедиция). Однако проблема урана оставалась нерешённой: Табашарский рудник в Таджикистане давал всего 4 т урана в год, а промышленный реактор требовал около 100 т урана. Но здесь проекту сопутствовала удача: физики Кикоин и Харитон, посланные в оккупированную Германию для поисков следов исследований немцев в области ядерной проблемы, на небольшом полустанке в мае 1945 года обнаружили свыше 100 тонн урана. Эта находка помогла на год сократить срок запуска первого промышленного реактора для получения плутония.

Решалась и кадровая проблема. В месячный срок Центральное статистическое управление СССР провело регистрацию и учёт всех специалистов-физиков, работавших во всех отраслях народного хозяйства, после чего Курчатов отобрал нужных ему для Лаборатории №2 специалистов.

В 1944 году вошёл в строй циклотрон, был получен первый отечественный плутоний. 25 декабря 1946 года вошёл в строй первый в СССР уран-графитовый реактор Ф-I. На Южном Урале в 1946–1948 годах началось строительство плутониевого комбината №817 (ныне производственное объединение «Маяк») и закрытого города Челябинск-40. Здесь строился мощный промышленный реактор по той же схеме, что и экспериментальный реактор Ф-I — конструкция оказалась очень удачной и не потребовала больших из-

менений.

В мае 1948 года был закончен основной монтаж реактора, а в конце июня его мощность достигла проектного значения. На постройку реактора ушёл год и восемь месяцев. Из наработанного им плутония был подготовлен ядерный заряд для испытания атомной бомбы. Бомба была испытана 29 августа 1949 года.

Да, методы организации работ были жёсткими, успехи достигались невероятным трудом, энтузиазмом, порой оплачивались многими жизнями. Но разве иначе, не мобилизационным образом, могло быть осуществлено такое научное, технологическое, организационное и производственное чудо как советский атомный проект?

В 1945 году только что окончившаяся «горячая» война без всякого перерыва перешла

в другую, позже до конца оформившуюся как неклассическая «холодная». Но до момента создания советской бомбы в чреве этой холодной войны вызревал американский замысел ядерного блицкрига против СССР. Реализовав ядерный проект, советская наука и советский народ создали то оружие, которое до сих пор не даёт американцам и их союзникам по НАТО перевести в практическое русло план ядерного блицкрига против России.

Юрий Бардахчиев

Наша война

Человечина под
соусом
аполитичности — 8,
или Оккупационный
«новый гуманизм»

Как говорится, не обманешь — не продашь. Как втюхать миру все эти «прелести» типа ювенальной юстиции и легитимации инцеста без красивой упаковки, на которой написано «гуманизм»?

Специально для читателей газеты «Суть времени»: Джованни Морони. Портрет Франсуа Рабле, считающегося одним из предтеч «нового гуманизма»

Пол Куртц

Данная серия статей была спровоцирована совместным митингом «Сути времени» и Профсоюза работников РАН против реформы РАН и развернувшейся в связи с этим митингом «дискуссией» в кругах особо либеральных учёных. А также учёных не сильно либеральных, но, так сказать, принципиально аполитичных, которые ни за что не хотят «мараться» об политику, а, наоборот, уверены, что имеют полное право её игнорировать. Ну как же! Политика — грязное дело, а учёные — чистейшей прелести чистейший образец.

Вот именно эта позиция нас и восхитила... Мы-то, по наивности, думали, что если учёный (причём в любой области, не только в гуманитарной сфере) вне политики, то он почти автоматом и вне науки. Возможно, когда-нибудь в Древнем мире или в эпоху Возрож-

дения так не было (хотя и это очень сомнительно, но не будем вдаваться), но уж в XX и тем более в XXI веке это точно так: все великие и не очень великие открытия в науке сделаны учёными, как минимум точно понимавшими, с какой стороны актуальной политической баррикады они находятся. А тут такое... И это в России, которая наследует СССР — стране, вся история науки которой опровергает саму возможность «аполитичной науки».

Желание разобраться привело нас к исследованию творчества Абрахама Маслоу, которое, как мы выяснили в прошлый раз, завершилось созданием трансперсональной психологии (она же «гуманистическая»), которая в 1960–1970-е годы расцвела, особенно в Америке, настолько пышным цветом, что потребовалось вмешательство правоохрани-

нительных органов, чтобы хоть немного снизить её разрушительный потенциал.

Однако трансперсональная психология, предполагающая достижение человеческого «счастья» через изменённые состояния сознания (которые могут быть получены различными путями, в том числе наркотическими) — всего лишь одна грань «гуманистического» направления в гуманитарных науках, в том числе психологии. «Гуманистичность» этого направления главным образом состоит в том, что дорога к счастью (которое есть «неотъемлемое право» каждого человека) лежит исключительно через работу человека (который по природе своей хорош до невозможности, добр, здоров, весел и т.д. и т.п.) над собой и над своим восприятием себя любимого. И категорически исключает какие бы то ни было попытки преобразовать общество (кото-

рое по природе своей — главное зло, которое пытается искалечить и исказить природную «хорошесть» каждого человека и просто-таки мешает ему жить) и вообще социальную и иную действительность. Что совершенно логично и естественно, это «гуманистическое» направление науки как раз-таки провозглашает аполитичность и почти (о том, почему «почти», — чуть ниже) полную толерантность практически ко всему. То есть занимает позицию, видимо, исключительно близкую большинству наших учёных, настаивающих на своей аполитичности.

В чём же состоит эта позиция? Очень кратко можно описать её таким образом. Предположим, вы живёте в дерьме, что порождает у вас душевный (и телесный) дискомфорт, который, в свою очередь, препятствует вашему счастью и самореализации (а

как же? — самореализация — наше всё!) Согласно «новому гуманизму», вы должны за-
давить в себе всякие мысли об уборке, помыв-
ке и расчистке окружающей действительно-
сти от дерьма. Одновременно, конечно, на-
до и запретить себе объединяться с други-
ми людьми (или не дай бог, организациями),
чтобы совместно с ними разгрести дерьмо и
изменить дискомфортную для вас ситуацию.
Вместо всего этого надо работать над собой. А
именно — сидеть, где сидел (то есть в дерьме)
и, как в известном анекдоте, повторять «хал-
ва, халва...». Попутно надо научиться «при-
нимать» себя, то есть согласиться с тем, что
вот это вот поведение — и есть счастье, а так-
же самореализация. Если же просто «халвы»
для полного счастья не хватает, то можно,
как это и делает трансперсональная психоло-
гия, использовать любые средства для боль-

шей эффективности «халвы»: наркотики, алкоголь, холотропное дыхание... да мало ли что. Главное — чтобы аполитично. Потому что политика — зло, общество — гадость, и наше главное к нему требование — оставить нас в покое, дать нашей индивидуальности развернуться в поисках счастья и самореализации.

Казалось бы: ну если есть сумасшедшие, которые таким образом думают, то и пусть. В конце концов, если они хотят жить в дерьме, наслаждаясь собственной самореализацией... то, может, и не стоит им мешать, если они нам не мешают... Стоп! Вот на этом месте и начинается самое неприятное. Потому что эти любители «халвы»... мало того, что присвоили себе звание гуманистов, так ещё и довольно агрессивно навязывают всем своё понимание жизни...

Несмотря на изложенный (вполне достоверно, поверьте) выше подход к жизни, вроде бы не предполагающий никакой общественной активности, существует — вы не поверите! — мировое «гуманистическое движение», которое, очевидно, имеет политические цели, хотя это тщательно скрывается. Вообще всё, что связано с этим «новым гуманизмом», покрыто толстым слоем лжи и недомолвок, призванным скрыть истинные цели и задачи этого «движения». Которые с трудом вычлениаются из многочисленных Манифестов (1933, 1973 и 2000 годов) и Деклараций (1980 и 2010 годы), но отлично видны из различных материалов, посвящённых деятельности новоявленных «гуманистов».

Чтобы читатели сразу поняли, о чём речь, приведём полностью рядовой анонс журнала «Здравый смысл», являющегося орга-

ном «Российского гуманистического общества межрегиональной общественной организации содействия гуманизму», взятый с официального сайта этого общества humanism.ru:

«Вышел в свет очередной (специальный), 62 номер журнала «Здравый смысл». Он посвящён парижской (здесь и далее выделено нами — Авт.) международной конференции «Век XXI — К новому гуманизму», на которой выступали Пол Куртц и другие зарубежные участники, а также российские учёные Д. А. Леонтьев, В. А. Разин, Ю. Б. Сенчихина и др.

В номере дан обзор интернет-обсуждения вопроса об определении гуманизма, большая рубрика посвящена гуманистическим исследованиям. В ней читатель найдёт статьи по вопросам публичной сексуальности, иммортотума-

низму и трансгуманизму, логике атеизма и его презумпции, истории отечественных гуманистических традиций. Читателю предлагается подумать над вопросом, является ли гуманистическое мировоззрение трагическим, как полагает профессор В. Н. Финогентов, или, напротив, оптимистическим, как думает его коллега профессор В. А. Кувакин».

Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Публичная сексуальность, трансгуманизм и презумпция атеизма в одном флаконе! А знаете, почему конференция была в Париже, хотя организована именно «Российским гуманистическим обществом»? А вот, пожалуйста:

«Идея семинара принадлежит Агентству «Россотрудничество» (это Правительство РФ, если кто не понял, то есть банкет

за наши деньги — Авт.), которое проявилось интерес к одному из пунктов стратегии нового генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой (Болгария). Речь идёт о концепции Нового гуманизма как мировоззренческого принципа всей стратегии ЮНЕСКО (вам уже не страшно?). Одним из результатов реализации этой стратегии может быть создание международного научно-исследовательского центра Нового гуманизма в России, ... получение статуса экспертов ЮНЕСКО российскими учёными, а в целом — повышение уровня внимания к гуманизму в мире, особенно в России».

«Главной неявной целью российской стороны (т.е. Федеральным агентством «Россотрудничество») было продемонстрировать перед ЮНЕСКО, что гуманизмом

Оккупационный «новый гуманизм» 96
в России серьёзно занимаются. И эта
цель была достигнута на 100%».

«... выступления российских учёных —
членов РГО показали присутствующим,
что в нашей стране есть не только се-
рьёзная гуманистическая общественная орга-
низация, но и специалисты по современному
гуманизму (!). ... Это тоже может по-
высить внимание ЮНЕСКО к мировому
гуманистическому движению как движению
некоммерческих и неправительственных
организаций, объединяющих сегодня мил-
лионы людей, для которых гуманизм стал
повседневным образом жизни (?!!)».

То есть «мировое гуманистическое движе-
ние» теперь не только само по себе, но и
при помощи ЮНЕСКО будет железной рукой
загонять человечество в «новый гуманизм».
Или наоборот, начнёт наступление с целью

оккупации всего мира и насаждения «гуманизма» как «повседневного образа жизни»... вместе с публичной сексуальностью, импортогуманизмом и трансгуманизмом и презумпцией атеизма (что бы это ни значило, это агрессивное разрушение традиционных религиозных конфессий). А также вместе с ювенальной юстицией, стиранием граней между нолами гендерами, всеобъемлющей толерантностью, разрушением семьи, уничтожением образования и здравоохранения...

Да-да, уважаемые читатели! Все эти знакомые нам не понаслышке ужасы — это все основные ценности и даже цели «нового гуманизма»! Не верите? Судите сами — предлагаем вам выдержки из документа «Неогуманизм: декларация светских принципов и ценностей — личных, социальных и планетарных», автором которого является американ-

ский философ Пол Куртц (1925–2012), один из столпов мирового «гуманистического движения». Этот документ мы выбрали потому, что из всех деклараций и манифестов он самый свежий (2010 г.). Итак,

«Современный планетарный гуманизм преобразует мир. ... Впервые в истории планетарное сообщество людей получило возможность примирять любые имеющиеся у нас различия сообща и мирным путём. (Да? А мужики-то и не знают... Если серьёзно, то вот такие, ни на чём не основанные декларации — можно сказать, основа теории «нового гуманизма»...)

Обычно большинство решений, затрагивающих интересы людей, принимается на местном или национальном уровне. Некоторые проблемы могут превосходить эти масштабы, ... как региональ-

ные войны, грубые нарушения прав человека, новые идеи в области науки, этики и философии (то есть такие явления, решения по которым на национальном уровне недостаточно, а значит, требуется вмешательство извне). Особое значение имеет сегодня тот факт, ... что отрицательные результаты многих видов деятельности в одной стране могут перекинуться на другие, например, истощение ресурсов, загрязнение атмосферы и водных путей. Глобальное потепление вызывает особую озабоченность...

Новые проблемы ... могут потребовать от нас совместных действий, таких, скажем, как сохранение уникальных экосистем и видов живых существ (например, путём запрещения отдельных видов сельского хозяйства, охоты и рыболовства или пре-

Оккупационный «новый гуманизм» 100
вращения территорий целых стран в один
большой заповедник дикой природы, где во-
обще ничего нельзя ни производить, ни добы-
вать)...

*Особенно остро стоит вопрос об осво-
бождении женщин от архаичных репрессив-
ных отношений (ну, это понятно — наси-
лие в семье...); необходимо также эман-
сипировать многие социальные меньшинства
(то есть это не внутренняя проблема стран,
а международная!)..; аналогичным образом
стоит вопрос о правах геев, людей, кото-
рые до сих пор испытывают суровые репрес-
сии в связи с их сексуальной ориентацией (по
commets)...*

*Мы сталкиваемся с необходимостью пе-
ресмотреть архаичные традиции и отношения
(то есть традиционных ценностей, традиций
и укладов), чтобы благополучие и счастье*

стали доступны всем, кто стремится к достойной жизни для себя и других. Мы ввели термин «неогуманизм» (выделено автором текста), означающий новый смелый подход к решению общих проблем. В соответствии с этим подходом, утверждение светских принципов и ценностей неогуманизма предлагается нами как конструктивный вклад в планетарное сообщество (этот вклад можно было наблюдать, к примеру, в Ливии и Египте, где ради утверждения этих принципов и ценностей применялись «гуманистичные» вооружения, убиты и продолжают погибать тысячи людей и разрушены государства)...

Сегодня в мире существуют различные формы религиозных убеждений. Многие из них (но не обязательно все) препятствуют человеческому прогрессу (!)... «но-

Оккупационный «новый гуманизм» 102
вые атеисты» ... заявляли, что общественность недостаточно активно противостоит вере в Бога и её приспешникам (?!!).

Этническая идентичность может быть труднопреодолимой (а зачем её преодолевать? Особенно в связи с декларируемой равноценностью культур) и действовать как долговременный фактор... Устаревшие моральные рецепты требуют пересмотра...

Неогуманисты привержены ключевым этическим принципам и ценностям, которые для людей имеют жизненное значение. Среди них ключевой ценностью является счастливая и плодотворная жизнь каждого человека (?!). ... Индивид должен стремиться к наиболее полной реализации своих лучших способностей и интересов...

сам человек является наилучшим судьёй избранной им жизненной позиции. . . (как будто Маслоу писал, не правда ли? И дальше — то же самое). . . .

Разумная жизнь в гармонии с чувством — самый надёжный источник получаемого от жизни удовлетворения. . . (то есть неважно, какова жизнь, важно, что ты по этому поводу чувствуешь, получаешь ли чувство глубокого удовлетворения. . . и это, подчеркнём, самый надёжный источник). Личность должна стремиться достигать наивысших . . . стандартов качества и совершенства (здесь речь идёт о потреблении, не сомневайтесь).

В-седьмых, неогуманисты признают, что человек не может жить в изоляции от людей и должен разделять ценности с другими членами общества. . . Это пред-

полагает способность любить других и принимать их ответную любовь. Любовь может включать в себя некоторый способ сексуальной реализации и взаимности (хотя тут и не написано, что секс — священная обязанность каждого человека и основа гуманизма, но это очевидно подразумевается, причём секс разнообразный — см. далее), готовность преодолеть репрессивные отношения, учитывая разнообразие сексуальных побуждений... общество должно (почему «должно»? А как же толерантность? А если ценность нашей культуры состоит в негативном и нетерпимом отношении, что тогда?) терпимо относиться к однополым способам проявления сексуальности (автор забыл о межвидовых способах проявления сексуальности, ай-яй-яй!)...

Неогуманисты поддерживают право на неприкосновенность частной жизни (как

Оккупационный «новый гуманизм» 105
же без этого?) как центральный постулат демократического общества... неогуманисты поддерживают демократический образ жизни и защищают его (!!! Любыми способами, как мы знаем, в том числе самыми что ни на есть антигуманными) от всех внутренних и внешних врагов (а кто это, позвольте спросить? Неужели это все те, кто не верит в волшебную силу демократизации?) ...

Неогуманисты поддерживают идею свободной рыночной экономики как наиболее продуктивного способа достижения и совершенствования экономического благосостояния общества (на счёт «наиболее продуктивного» оставим на совести автора, отметим только, что это заявление резко выводит этих «гуманистов» из общечеловеческого контекста, потому что «рыночная эконо-

мика» не для всех)...

Неогуманисты поддерживают идею сбережения природы (*a green ecology*) везде, где это возможно (то есть провозглашается агрессивная борьба за экологию, не позволяющая развиваться никому).

Неогуманисты признают настоящую необходимость обеспечения тех или иных форм ограничения роста населения (ну конечно! — слишком много лишних ртов!) *Гуманисты* всегда были в первых рядах тех, кто выступает за рациональную демографическую политику (то есть за уменьшение числа людей! — как-то это плохо сочетается со словом «гуманизм», не находите?))....

Человечество обязано преодолевать узкие рамки эгоцентрического индивидуализма и шовинистического национализма. Планетарное сообщество нуждается в

разработке новых транснациональных институтов... Существует необходимость нового транснационального агентства для мониторинга нарушений общепринятых экологических норм и контроля за теми странами, которые допускают эти нарушения, а также для принуждения их соблюдать общие правила посредством введения санкций (а? то есть «гуманисты» будут нас принуждать ловить рыбу только там, где они найдут нужным, и сеять только те семена, которые им нравятся! И это всё уже осуществляется, как ни прискорбно).

Основным этическим принципом глобальной цивилизации является то, что каждый человек на планете имеет равные достоинство и ценность как личность, и этот принцип не может быть ограничен национальностью, этничностью, религией, ра-

сой, языковыми границами или иными признаками (поясняем для тех, кто не понял: это означает, что человек в любой стране должен иметь «права человека», которые определяют «гуманисты». Например, право быть зоофилом, педофилом, каннибалом и пр., и местные законы и власти не могут его ограничивать в этих «правах»)...

Транснациональным институтам следует принять свод законов, который будет применяться по всему миру... Эти учреждения обеспечат максимально децентрализованное местное и региональное правление (как это, интересно, если будут единые законы?)... Они будут содействовать развитию мировой индустрии и торговли, сотрудничать с правительствами всего мира с целью максимально увеличить занятость, развивать сферу

Оккупационный «новый гуманизм» 109

образования и здравоохранения для всего народонаселения мира. (Здесь хочется спросить: что же мешает современным «гуманистам», например, увеличивать занятость, а также развивать образование? Тем более, что на их стороне аж ЮНЕСКО? Почему они действуют прямопротивоположным образом? Мы все наблюдаем кризис, в котором занятость только уменьшается, расслоение растёт, образование и здравоохранение разрушаются... Это уж не говоря о том, что либо здравоохранение, либо сокращение населения — надо уж выбрать что-нибудь... И наблюдения показывают, что выбор уже сделан и он не в пользу здравоохранения.)...

Сегодня кампании за равные права и лучшую жизнь для всех не знают границ...»

Уф... Да, мы в курсе, что «кампании за

Оккупационный «новый гуманизм» 110

равные права и лучшую жизнь для всех не знают границ». Не знает границ ни ювенальная юстиция, ни борьба за «права» педофилов, ни «право» на эвтаназию. Не знает границ и всемирная борьба за равномерно плохое образование для бедных, и отдельно — за разрушение такого вопиющего прецедента хорошего образования для всех, какой можно было наблюдать в СССР. То же и в отношении здравоохранения: нет границ в борьбе за повышение цен и снижение доступности лекарств и медицинского обслуживания, за навязывание всем медицинских стандартов только одной страны. И уж, конечно, не знает никаких границ кампания за «право» США находить и защищать повсюду собственные интересы — в торговле, в добыче ресурсов, в распространении демократии, наконец.

Остаётся только один вопрос: а поче-

му, собственно, всё это называется «гуманизмом»? Вопрос, конечно, риторический, потому что мы все знаем ответ: затем, чтобы повысить эффективность этих, не имеющих границ кампаний. Как говорится, не обманешь — не продашь. Как втюхать миру все эти «прелести» типа ювенальной юстиции и легитимации инцеста без красивой упаковки, на которой написано «гуманизм».

Взять, к примеру, Россию. Гуманизм (без кавычек) для любого нашего соотечественника — это понятие очень высокого звучания, не пустое слово, смысл которого познавался, в частности, во время Великой Отечественной войны. И вот, под прикрытием этого понятия, в нашу страну протаскивается совершеннейшая либеральная гадость, причём в полном комплекте. А наши «аполитичные» учёные и в ус не дуют! Более того, многие

из них всемерно содействуют, помогают, чем могут. Не бесплатно, конечно, а за гранты и посты в международных организациях. . . Ну, так «новый гуманизм» и провозглашает примат рыночной экономики. . .

Пока существовал Советский Союз, его граждане были, слава богу, защищены от этого «гуманизма» (вот уж когда понимаешь, что «железный занавес» был не только вреден, но и полезен!). Однако вместе с перестройкой (и это очень показательно!) на нас начал наступление и «новый гуманизм». Уже в 1990 году, за год до развала СССР, в Москве была создана Советская Ассоциация гуманистической психологии, в Ленинграде — своя Ассоциация гуманистической психологии.

Весьма логично, что эти Ассоциации (а потом и другие многочисленные организации, имеющие в своём названии слово «гу-

манизм» или его производные) стали форпостами на пути преобразования «тоталитарной антигуманной» советской системы образования и социального обеспечения в «гуманистическую» антисоветскую системы. Именно из этих обществ «новых гуманистов» (и всемерно поддерживающих их Международного «гуманистического» движения и таких организаций, как ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, ООН, а также многих иностранных фондов, тоже весьма озабоченных «гуманизмом») «растут ноги» у всего того кошмара, который непрерывно надвигается на нашу страну, и с которым пытается бороться и «Суть времени», и «Родительское Всероссийское Сопротивление». Здесь всё: и ювеналка (вы что-то имеете против «прав детей»?), и ЕГЭ с Болонской системой (а зачем перегружать детей знаниями, нам же нужен квалифицирован-

ный потребитель), и потребительские кредиты (а как иначе каждый будет стремиться к «высшим стандартам качества», спрашивается?), и недоступные цены на лекарства (те, кому надо, купят, а кто не может купить — значит, не вписался..., это его личный выбор)... Да всё, чего ни коснись...

А что же наши учёные? А ничего! Что-то не удалось нам найти массовых публикаций или выступлений учёных ни против «гуманистической психологии», ни против ювенальной юстиции (здесь из психологов фронт держит одна Ирина Медведева), ни против реформы образования...

Наоборот! Поскольку «новый гуманизм» хорошо оплачивается, наши учёные стройными рядами переквалифицировались в «гуманистов». И даже утверждают, разъезжая по Парижам, что в России *«гуманизм стал по-*

вседневным образом жизни»!

Оглядитесь, дорогие читатели. Замечаете, насколько прибавилось гуманизма? Нет? А если внимательнее посмотреть? Опять нет? Да вы не туда смотрите! А вот учёные, особенно принципиально «аполитичные», смотрят, куда надо. Поэтому они и по Парижам ездят... И вот, помнится, было что-то такое... во время войны. Там тоже были разные граждане (хотя и гораздо реже, чем сейчас), которые по причине службы врагу лучше других питались и смотрели на всё более оптимистично. Более оптимистично, но недолго. Потому что... А что будут делать наши «аполитичные», когда..?

Да и можно ли назвать наших учёных аполитичными? Если оказывается, что они более или менее активно, более или осознанно, за больший или меньший «кусочек», но слу-

жат врагу? Если бы они все ушли дворниками или в котельные работать (как когда-то и делали люди, считавшие невозможным работать в системе), так ведь нет! Нет, они 20 лет тихо соглашались на последовательные действия по развалу науки и образования... Проводят ЕГЭ... Принимают по его результатам в вузы... Измеряют коллег по индексу цитирования... Выполняют исследования по грантам, в том числе от «гуманистов»... То есть вносят свой посильный вклад в развитие глобального каннибализма «гуманизма». Поливая это соусом ложной аполитичности. И хочется спросить: хорошо ли это?

Юлия Крижанская, Андрей Свечков

Социальная война

Как разминировать ЕГЭ

Под прикрытием якобы беспристрастности проверки в школу внедряется тестовый метод проверки знаний, который эти самые знания уничтожает

С 2009 года Единый государственный экзамен (ЕГЭ) является единственно возможной формой сдачи выпускного школьного экзамена. Сам эксперимент по внедрению ЕГЭ начался в 2001 году, с каждым годом охватывая всё большее количество субъектов Российской Федерации.

Споры о достоинствах и недостатках ЕГЭ

начались с того момента, как об этом экзамене было объявлено. Со временем эти споры приобрели, на мой взгляд, далеко не тот характер, который должны иметь споры, в коих может родиться истина. Твёрдо заявляя о том, что я категорический противник ЕГЭ, настаиваю на необходимости изменить характер споров вокруг ЕГЭ. На необходимости ввести эти споры в аналитическое и даже концептуальное русло.

Нам категорически необходимо всерьёз разобраться в том, что является красивой обёрткой, оболочкой, под которой скрывается взрывчатка, закладываемая под наше образование. И что можно использовать из этой оболочки, если удалить взрывчатку. Ведь не обязательно отказываться от чего-то только на том основании, что оно может взорваться. Если разминировать его и удалить опасные

элементы, корпус снаряда можно использовать в мирных целях.

Для начала рассмотрим структуру этого экзамена.

Все задания в ЕГЭ называются контрольно-измерительными материалами (КИМ). Они делятся на три блока: А, В, С. Блок А содержит тест с выбором вариантов — то есть вопросы с четырьмя вариантами ответа. Из которых надо выбрать один правильный.

Блок В — так называемый открытый тест. В этом блоке нужно вписать в клеточки ответ из одного или нескольких слов или чисел, если речь идёт о решении задач.

Блоки А и В оценивает машина. И если ответ окажется правильным, но он не содержится в списке правильных ответов, то машина его не зачтёт.

Блок С предусматривает развёрнутый ответ. И это ответ оценивается экспертами, а не машиной.

Теперь пришло время рассмотреть аргументы, которые приводили и проводят те, кто внедряет ЕГЭ в школы.

1. ЕГЭ поможет избежать коррупции при поступлении в вузы.

Вряд ли кто-то серьёзно мог воспринимать этот аргумент. Однако его высказывали. И что же по факту? А по факту коррупция никуда не делась. Она сменила уровень и от «покупки» вступительного экзамена в вузе перешла в покупку результатов ЕГЭ. Появился рынок так называемых сертификатов ЕГЭ — бумаги, подтверждающей якобы полученные баллы на экзамене. А с введением единой базы результатов появилась возможность купить, но подороже, этот сертификат

«с занесением в базу результатов». Вот такая борьба с коррупцией.

Первым же появился рынок правильных ответов, которые продают на разных сайтах перед экзаменами.

Важно отметить, что при тестовом способе сдачи экзамена ход решения задачи (будь то физика, математика, химия, биология и так далее) исключён из рассмотрения (кроме раздела С, как мы уже видели, но это лишь небольшая часть экзаменационных задач). Значит, достаточно иметь шпаргалку — первый вопрос, ответ такой-то; второй вопрос — такой-то — и ты готов сдать ЕГЭ. В то время как при обычном, пусть даже и письменном, а не устном экзамене, даже если заранее известна задача, мало знать ответ. Нужно знать ещё ход решения. А это зазубрить сложно. Проще понять, как решается задача.

2. Следующий пункт в пользу ЕГЭ: такой способ экзамена более объективен.

Может показаться, что если работы проверяет беспристрастная машина, то результат будет более объективен. Как в точных науках, так и в гуманитарных есть большие вопросы и к разделу А, и к разделу В, где ученик вписывает ответ самостоятельно, а проверяет его машина. В богатом русском языке есть множество синонимов для какого-либо понятия. Например, гипербола — преувеличение, метафора — перенос, переносное значение. Известны случаи, когда «не в меру умные» ученики пишут слово, которое не предусмотрено среди правильных ответов, хотя оно верно. Вот впишет такой не в меру умный вместо «метафоры» — «троп», и будет прав, да только машина ему этот ответ не зачтёт. Тем самым низвергнет «не в меру умного» ученика в раз-

ряд «неумных».

Академики и профессора из раза в раз повторяют, что при проверке решения задачи они больше обращают внимание (вернее, обращали, когда ещё были вступительные или выпускные экзамены старого образца) не столько на ответ, сколько на красоту решения и ход рассуждения при решении. Если где-то ошибка в вычислении привела к неверному результату, то красивое, логичное и творческое решение какой-либо сложной задачи реабилитирует сдающего экзамен и позволяет засчитать решение, пусть и с небольшим снижением оценки. «Беспристрастная» машина не может оценить красоту решения задачи.

Гуманитарные науки ничем в этом смысле не отличаются. Вот что сказал Александр Александрович Волков, доктор филологиче-

ских наук, профессор, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова на конференции «Отмена ЕГЭ — первый шаг на пути к возрождению образования»: *«Когда мы принимаем экзамен, мы всегда принимаем этот экзамен неформально. Вот принимает-ся экзамен по русскому языку. Что мне как экзаменатору нужно от экзаменуемого? Он может сделать ошибки. Я это понимаю. Мне нужно понять, что он видит структуру предложения. Он может не там поставить запятую — ничего страшного: мы с ним поспорим, я ему укажу на это. Но если он видит, понимает структуру предложения, если он обучился русскому языку, я поставлю ему хорошую отметку. И закрою глаза*

на элементарную ошибку. А вот если он автоматически ставит или не ставит запятые, я ещё подумаю — он может быть специалистом? Более того, он может мыслить в данной области или не может?»

Вернёмся к аргументам сторонников.

3. ЕГЭ позволит сравнить качество образования разных школ и регионов.

Этот аргумент относится не к ЕГЭ как таковому, то есть не к содержанию, а к форме экзамена — формируются единые задания для всей страны, и проверка результатов ведётся анонимно, то есть проверяют результаты не те преподаватели, которые обучали экзаменуемого. Ну так это та составляющая ЕГЭ, которую можно сохранить. Я в начале статьи уже сказал, что не буду целиком воевать с ЕГЭ или защищать его, а буду раз-

бирать суть этого экзамена. И я готов согласиться, что эта составляющая необходима и верна.

4. ЕГЭ даёт возможность ученикам из дальних регионов поступать в вузы, находящиеся на большом расстоянии от места их проживания.

Такая возможность появляется в связи с тем, что выпускной экзамен автоматически является вступительным. Но это красивая обёртка, под которой скрывается серьёзный удар по образованию. Как мы уже видели, коррупцию искоренить не удаётся. Тем самым приравнивание вступительных экзаменов и выпускных ведёт к тому, что наиболее коррумпированные ученики как раз имеют возможность поступить в престижные вузы. А ученики из глубинки, где едва сводят концы с концами, лишаются возможности это

сделать. В то время как при наличии вступительных экзаменов можно было собрать хоть всем селом денег на билет, чтобы талантливый ребёнок съездил и сдал экзамены в серьёзный вуз. Сейчас такая возможность отсутствует.

5. ЕГЭ приближает нас по типу экзамена к Европе, что может привести к признанию наших аттестатов «у них».

Не буду акцентировать внимание на том, что если стоит выбор между приближением к Европе с разрушением чего-либо функционирующего и сохранением функционирующего, то, безусловно, нужно выбирать сохранение функционирующей системы. Я просто представляю слово европейским авторитетам.

Вот, что пишет социолог из Польши Марта Жаковска о внедрении в Польше аналога нашего ЕГЭ: *«Переход на новую систему*

сдачи выпускного экзамена (Польша перешла на него в 2005 году — П.Р.) политики и эксперты объясняли многим — прежде всего тем, что она будет более справедливой, так как работы абитуриентов проверять будут внешние экзаменаторы, а не как раньше — их учителя. Новая система («нова» матура) должна была обеспечить всем ученикам равные возможности при поступлении в вузы».

Как можно видеть, аргументы точь-в-точь те же, что и у нас.

Дальше она продолжает: «Сегодня можно с уверенностью сказать, что ожидания, связанные с новой формой экзаменов, не оправдались.

Много сомнений вызывает сам способ оценки работ. Все ответы абитуриентов должны примерно совпадать с ключами,

на которые при проверке ориентируются экзаменаторы. Это является очень проблематичным, если дело касается гуманитарных дисциплин, таких как польский язык или история. Школьники, дающие наиболее оригинальные, смелые и нестандартные ответы, рискуют не попасть в ключ. Эта опасность убивает самостоятельное мышление и желание по-настоящему решить проблему, ученики скорее пытаются догадаться, как её решил кто-то другой — тот, кто составлял данный тест».

Наши чиновники, продвигающие ЕГЭ, не могли не знать опыт Польши, которая раньше России ввела у себя «нова матуру». Однако это не остановило их от разрушительных действий. Что говорит о том, что это не просто чья-то ошибка, а намеренное торпедиро-

вание образовательной системы.

Педагоги из Кембриджа профессора Роберт Томбс и Дэвид Абулафия считают, что основной причиной низкого уровня студентов является чрезмерная увлечённость письменными тестами в старшей школе. Работа с тестами с 11 до 18 лет приводит к тому, что студенты начинают мыслить шаблонами, не могут формулировать идеи.

Министр образования и науки Украины ещё летом 2011 года заявил, что в Америке вышло огромное исследование, которое подтвердило: тестовая система значительно снизила качество среднего образования в Соединённых Штатах Америки. Также он указал на то, что такие же исследования проведены и в России.

Советский учитель с мировым именем Виктор Шаталов так ответил на вопрос о те-

стах: «Гарантирую, имея набор тестовых заданий, я за две недели даже мартышку научу щёлкать тесты как орешки. Но, увы, она не станет от этого человеком. У меня в классе было 33 ученика. Для них в итоговой контрольной по алгебре я готовил более 300 задач, чтобы исключить соблазн списывания. В том, чтобы натаскать ученика на готовые ответы, нет ничего сверхсложного, а вот научить ребёнка мыслить, соображать и решать — это на порядок труднее.

Мой следующий аргумент: тестовая система начисто исключает развитие разговорной речи. Была у меня ученица Наташа Корнева. Она сильно заикалась. Училась из-за этого слабо, но математические способности у неё были прекрасные. Она поехала поступать в МГУ. За-

дания написала, а села отвечать — говорит, не поймёшь что. И комиссия нашла выход: они дали ей 10 разных задач, отвели в пустую комнату и закрыли там на два часа. Так она стала студенткой МГУ. Я уверен, тестовая система хороша только для таких случаев. Иначе дети с нормальными разговорными способностями будут превращаться в умственных «заик».

Нужно ли нам ради сближения с Европой превращать наших детей в таких умственных «заик»? Думаю, для любого здравомыслящего человека ответ очевиден. Пусть Европа делает со своими детьми что угодно, но мы не должны слепо ей подражать.

Есть ещё один аргумент сторонников ЕГЭ, который можно рассмотреть — более широкая шкала оценки (100 баллов) вместо при-

вычных пяти (а реально четырёх: редко кто ставит единицу на экзаменах). Ну так что ж, если есть потребность в более детальной оценке знаний, никто, думаю, не будет против введения бальной оценки. Но это никак не связано непосредственно с тестовой формой экзамена.

Теперь необходимо подытожить исследование и выделить составляющие ЕГЭ.

1. Единые задания для всей страны.

При условии сохранения заданий втайне от всех регионов (в первую очередь от тех, которые начинают экзамены позже из-за разницы во времени) этот пункт не является угрозой и может быть оставлен.

2. Единый день экзамена.

Как и предыдущий пункт, этот пункт не является ударом по сути экзамена и также может быть сохранён.

3. Независимая проверка (проверяют экзамены не те, кто преподавал экзаменуемым).

И этот пункт не противоречит целям обучения и экзамена.

4. Широкая шкала оценки.

Если есть необходимость более детальной оценки знаний, широкая шкала не мешает, а только поможет.

5. Объединение выпускного и вступительного.

А вот это уже если не подрыв образования, то серьёзное воздействие, которое, как мы видим, вкраплено в предыдущие вполне допустимые пункты. Объединение выпускного и вступительного экзамена таит в себе серьёзную опасность. Как я показал выше, коррупция позволяет получить высокие балы на ЕГЭ, и нет никакой возможности вузам потом убедиться в их достоверности. Более то-

го, вступительные экзамены в разных вузах всегда отличаются, так как даже у близких технических вузов есть своя специфика, требующая разных экзаменационных задач. ЕГЭ же не позволяет дифференцировать задачи по вузам. На то он и единый. Потому объединение выпускного и вступительного экзамена по меньшей мере сомнительно.

6. Машинная проверка и тестирование как необходимый способ проверки.

Этот пункт и есть взрывчатка, которая если не взорвалась уже, то взорвётся вот-вот и погребёт под собой всё наше образование. Под прикрытием беспристрастности проверки в школу внедряется тестовый метод проверки знаний, который эти самые знания уничтожает. Именно он является внедрённым под обёрткой остальных «нестрашных» нововведений ударом по образованию в рамках веду-

щейся с образованием войны. И именно его нужно выжигать калёным железом из экзамена.

Павел Расинский

Война с историей

Пилигримы Рах Americana

Украина Евросоюзу действительно очень нужна. Занимаясь расширением, Европа декларативно решает «благородную» задачу «демократизации» бывших соседей или, попросту говоря, политического сдерживания России

Министр иностранных дел Польши
г-н Радослав Сикорский с супругой
(г-жой Энн Аппельбаум)

После приостановки 21 ноября 2013 года украинцами Договора об ассоциации с Евросоюзом и начала нового оранжевого «май-дана» выяснилось, что Украина Евросоюзу очень нужна. Крайне нужна. Нужна настолько, что Европарламент уже 12 декабря пошёл на попятную и принял резолюцию, предполагающую более мягкие условия ассоциации. Европарламентарии предложили предоставить Украине взамен рассматривавшегося ранее расплывчатого, без оговорённых сроков «упрощения» визового режима — полную и окончательную отмену виз. Кроме того, европейцы посоветовали МВФ и ЕБРР выделить Украине деньги на реформы, связанные с подписанием Соглашения об ассоциации. А заодно заявили о том, что на Украину необходимо немедленно отправить миссию посредников на самом высоком политическом

уровне («Моё! — сказал Евгений грозно»), «чтобы помочь найти консенсус между властями и народом». (Между «не очень правильными властями» и «правильным народом» в этой нецивилизованной стране, сами понимаете...).

Украина Евросоюзу действительно очень нужна. Евросоюз давно сделал ставку на своё расширение, предпочтя ему политическое усиление, то бишь создание политически единой европейской «федерации» (с реальным президентом, реальной армией и пр.), к которой, следует честно признать, ни одна из европейских стран и не готова. Расширение — это прежде всего интеграция пространства бывших стран «Восточного блока» и бывших республик СССР. Занимаясь расширением, Европа декларативно решает «благородную» задачу «демократизации» бывших

соседей или, попросту говоря, политического сдерживания России.

При этом экономический кризис породил в давно объединившихся странах Европы столько проблем и столько недовольства интеграцией (идущие в настоящий момент крупномасштабные демонстрации в Италии — лишь очередная иллюстрация этому), что брошенное Евросоюзу «нет» от страны третьего сорта, каковой рассматривается Украина... Страны, которую и на порог-то до сих пор пускали весьма условно и с кислой миной... Такое безобразие уже весьма, знаете ли, смахивает на порчу репутации, а также плевок в лицо, что совсем некстати.

В последние дни также ярко выявилось, кому в Европе особенно нужна европеизация Украины — причём европеизация, идущая совместно с фашизацией, ибо ни для ко-

го не секрет, что новый оранжевый проевропейский бунт организовали откровенные фашисты из «Свободы» О. Тягнибока и их ещё более радикальные соратники.

Нужна еврофашизация — особым «любителям» России из стран Восточной Европы и их европейским партнёрам. Так, после того как 8 декабря в Киеве сторонники европейского просвещения и ассоциации с Евросоюзом разбили, а затем растащили «на сувениры» памятник Ленину, министр иностранных дел «просвещённой» Польши Радослав Сикорский официально поддержал акт вандализма. А неофициально в твиттере Сикорский торжествующе подчеркнул, что особо радует его именно беспредельная наглость покусившихся на международные нормы вандалов: *«Киев свергнул памятник Ленину. Несмотря на внесение в список ЮНЕСКО»*.

СКО!».

Министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт также не преминул выступить в роли твиттер-разжигателя: *«Сегодня ночью в Киеве столкнулись Евразия и Европа. Репрессии и реформы. Власть и народ»*.

Присмотримся внимательнее к вышеупомянутым фигурам.

Сикорский — бывший борец с Советским Союзом, участвовал в боевых действиях против советских войск в Афганистане.

Супруга Сикорского, американка Энн Апфельбаум — широко известна в кругах ненавидящих Россию «борцов за права человека». Об Энн просто невозможно не сказать особо. В качестве журналистки американского престижного журнала *Economist* она побывала свидетельницей разнообразных «бархатных» революций, уничтоживших влияние СССР в

Восточной Европе. Написав книгу о «железном занавесе в Восточной Европе», Энн сразу же перешла к другой животрепещущей теме — необходимости покаяния России за «ужасы ГУЛАГа». Заняться сей темой её побудила, по собственному рассказу, рецензия на предыдущую книгу в ведущей американской газете New York Times. Причём в целом отзыв был положительным, но при этом одна мысль его автора Энн прямо-таки до глубины души «возмутила»: *«Когда в 30-е года Сталин вызвал искусственный голод на Украине, он уничтожил больше украинцев, чем Гитлер евреев. Но кто сейчас на Западе вспомнит об этом?»* И Энн решила «вспомнить» — и о «голодоморе», и много о чём ещё. Сочинила книгу «ГУЛАГ: паутина большого террора». Ничего нового в ней не сообщила. Но — ещё раз популяризовав

художественную ложь Солженицына — получила причитающуюся за это главную американскую премию по литературе — Пулитцеровскую.

Писания Энн Аппельбаум весьма откровенны. Энн является сторонницей тотального исторического покаяния России, «покаяния в действии», имеющего основной целью невозможность продолжения ею имперской политики. Вот одно из характерных заявлений Энн: *«Если бы российская элита помнила нутром, национально, что Сталин сделал с чеченцами, они бы не могли вторгнуться в Чечню в 90-х гг. А подобный поступок является моральным эквивалентом повторения германского вторжения в Польшу»*. Как видим, Энн свято чтит завет *New York Times* и старательно развивает тему «Россия такая же или даже хуже нацистской

Германии, а потому должна каяться вечно и не помышлять об империи».

Сам твиттер-поклонник киевских вандалов, министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт — не менее знаменитый теоретик «борьбы за права человека» и давний активист повсеместно льющего кровь американского глобалистского проекта, он же Pax Americana.

Известно, что в 1975 г., перед своим визитом в Вашингтон, Бильдт просил представителя американского посольства в Швеции П. Кенни организовать его встречу с человеком из госдепа, отвечающим за связи СССР с Европой. В 1995–1997 гг., в период подготовки американцами военной интервенции в Югославии, Бильдт был спецпредставителем ЕС по Югославии и верховным представителем ООН в Боснии-Герцеговине.

А в преддверии попытки оранжевой революции в России, в мае 2011 г., Бильдт конфиденциально встречался с будущим лидером оппозиционеров Навальным в Сахаровском центре (увы, конфиденциальность была неполной, разговор оказался записан российскими спецслужбами...).

Добавим, что Бильдт — почётный член шведского «Института информации о преступлениях коммунизма». А этот институт, в свою очередь, — один из главных сооснователей пресловутой «Платформы европейской памяти и совести». Той самой, которая была создана в 2011 г. для реализации в жизнь идеи тотального исторического покаяния русских и проведения суда над коммунизмом, или «Нюрнберга-2». Как мы уже рассказывали, членами «Платформы» являются рьяные националисты. В том числе в его рядах

— украинский Меджлис крымско-татарского народа и украинский же «Центр по изучению либерального движения» (под «либералами» имеются в виду нацистские палачи из ОУН).

Членом «Платформы» является и болгарская организация под названием «Гражданская инициатива за снос Памятника советскому воину-освободителю в Софии». То бишь Карл Бильдт, восхищающийся сносом памятника Ленина, находится в тёплой компании борцов за снос памятника освобождавших Софию советских воинов. Так что начинается с Ленина, а заканчивается — осквернением памятников советским воинам-освободителям и... «Нюрнбергом-2». Цель — дабы русские, по рецепту Энн Аппельбаум, *«каялись и об империи и думать не смели»*.

Стоит оговориться: членам «Платформы» не всё в России не нравится. Нравится им

бывший президент Дмитрий Медведев. Так, в 2010 г. ещё один сооснователь Платформы, эстонская Unitas Foundation, поощрила своей «Премией европейской памяти и совести» сразу троих. Во-первых, Евросоюз — за уравнивание фашизма и коммунизма и назначение 23 августа (день заключения советско-германского договора о ненападении) «Днём памяти жертв тоталитарных режимов». Во-вторых, нашего знакомого Карла Бильдта — за его поистине неустанный труд по разоблачению «тоталитаризмов» и за «сплочение Западной и Восточной Европы». И, в-третьих, президента России Дмитрия Медведева — за признание в том, что Россия якобы ответственна за расстрелы в Катыни (что даже Европейский суд по правам человека в Страсбурге не готов сегодня признать правдой), а также за «антипатию» российского прези-

дента к сталинизму и... за «*вдохновляющие знаки, делаемые в сторону воссоединения Европы*». Эстонцы при этом выражали надежду, что Медведев, «*признав победы и провалы XX века, морально объединит Европу*». Речь, понятно, идёт всё о том же покаянии русских «за провалы» и о «моральном объединении» Европы на костях России — а-ля перестройка-2 и Горби-2.

Откуда растут ноги «Платформы», объявившей эту войну России, становится со временем всё более ясным. Так, 13 ноября 2013 г. в «Платформу» впервые вступила организация не «борцов за права человека» и вообще не политическая, а экономическая структура — «Исландский исследовательский центр инноваций и экономического роста» (Icelandic Research Centre for Innovation and Economic Growth). Несмотря на эту свою якобы эконо-

номическую специализацию и недавнее, в 2012 г., создание, центр уже успел провести 22 сентября 2012 г. конференцию на тему «Европа жертв: вспоминая жертвы коммунизма» и напечатать публикацию о коммунизме в Исландии.

Этот «Исландский исследовательский центр инноваций и экономического роста» был создан членами Общества «Мон Пелерин» Ханнесом Гиссурарсоном, Гисли Хаукссоном и др. после их встречи в 2012 г. в столице «борцов за права человека» Праге. Стоп! О «Мон Пелерин» необходимо сказать особо.

Общество «Мон Пелерин» (или, дословно, Общество «Горы пилигримов» — «The Mont Pelerin Society») — ведущий международный клуб либеральных идеологов. Он из числа тех, которые можно назвать не вполне откры-

тыми. Основал «Мон Пелерин» в 1947 г. один из главных авторитетов либеральной экономики австриец Фридрих фон Хайек. Ещё одним столпом общества был друг фон Хайека, идеолог политического либерализма и борец с Марксом и Советским Союзом австриец Карл Поппер.

Идеологический вклад «Мон Пелерин» в развал СССР был немалым. Так, ещё в 1972 г. была создана площадка для сотрудничества западных и советских спецслужб, Международный институт прикладного системного анализа (International Institute for Applied Systems Analysis, или IIASA), разрабатывавшая идеи либеральных реформ сначала для Горбачёва, а затем для «молодых экономистов» Чубайса. В советском филиале IIASA, Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований (ВНИИСИ),

возглавлявшимся зятем А. Н. Косыгина академиком Джерменом Гвишиани, и работали вышеупомянутые «молодые экономисты». (IIASA как площадка взаимодействия спецслужб, существует, кстати, и поныне, а представляет РФ в Совете IIASA внук Косыгина Алексей Гвишиани.) Так вот, идеологической основой для IIASA служил либерализм и европейский федерализм (то есть создание на пространствах Евразии той самой единой во всех отношениях Европы) по фон Хайеку и «Мон Пелерин». И неслучайно, что, когда в 2013 г. IIASA установила стратегическое партнёрство с ещё одним либеральным центром — «Форумом в Альпбахе», президент последнего торжественно заявил, что отныне учёные IIASA *«заново откроют для себя дух Альпбаха»* и пройдут по стопам его участников фон Хайека и Поппера.

Итак, выстраивается очевидная цепочка: (1) «Мон Пелерин» как общий идеологический либеральный центр — (2) дочерние и близкородственные ему структуры, такие как «Центр экономических инноваций» и «Форум в Альпбахе» — (3) IIASA как площадка для сотрудничества между западными и российскими спецслужбами — и, наконец, (4) «Платформа», включающая родных «дочек» «Мон Пелерин» («Центр экономических инноваций»), как проводник в жизнь идей «Нюрнберга-2».

Сегодня в «Мон Пелерин» вновь открыто и остро обеспокоены темой прекращения влияния России в мире. Так, на сайте общества можно найти доклад Дипака Лала (до 2010 г. президента этой структуры, затем вице-президента, а нынче члена исполнительного комитета), сделанный во время встречи

«Мон Пелерин» на Галапагосских островах 22–29 июня этого года. В докладе утверждается, что *«президент Путин, по всей видимости, хочет использовать возрастающую экономическую силу России для восстановления её имперской мечты»*. Что Россия будет играть важнейшую роль в новой Большой Игре за Евразию, в которой столкнутся, кроме того, интересы Китая, Индии, США, Турции и Ирана. Надежды на то, что крах коммунизма вернул Россию на путь преобразования в *«нормальное европейское экономически либеральное государство»*, по мнению Лала, миновали. Сегодня, полагает Лал, Россия пытается строить авторитарный капитализм по китайской модели. И именно по этой причине нехороших имперских амбиций России, столкновение в Евразии неминуемо. При этом англо-американская империя

рассматривается Лалом как главное мировое благо (которое-де и мир от нацизма могла бы уберечь, если бы ей не «мешали»), а любая претензия России на имперскость — как главное зло.

В достаточно закрытых мировых элитных клубах, таких как «Мон Пелерин», евразийские имперские устремления России продолжают сегодня считаться одним из основных факторов «Большой игры» и важнейшей мировой угрозой. Именно в этом свете рассматриваются и попытки России выстроить Евразийский союз, и сегодняшний отказ Украины от ассоциации с ЕС. Ведь все понимают, что именно союз Украины с Россией является залогом успеха восстановления Россией её исторического имперского статуса.

Страх восстановления русскими империи и является главной причиной повышенного

интереса «мирового сообщества» к Украине, а также главной причиной «крестового похода» на нашу страну — похода с требованием тотальных исторических покаяний, призванных окончательно уничтожить Россию.

Ирина Кургинян

Мироустроительная война

На пороге изменений — 2

Обзор работ и высказываний экспертов крупнейших «фабрик мысли» в США в период после начала «арабской весны»

Джеймс Стейнберг

Джеймс Макганн

Предлагаем вниманию читателей второй выпуск начатых кафедрой «Мироустроительная война» обзоров деятельности, осуществлённой за последние годы западными «фабриками мысли». В этом выпуске хотелось бы затронуть вопрос о статусе и значимости «интеллектуальных центров» на Западе и прежде всего в США. Как определить плотность их контакта с властью и их роль в реальном управлении?

Обратимся к данным об участии некоторых высокопоставленных чиновников администрации Барака Обамы в деятельности наиболее влиятельных американских «фабрик мысли».

Джонни Карсон — помощник госсекретаря по вопросам Африки. С 2003 по 2006 год — старший вице-президент Вашингтонского National Defence University.

Курт Кэмбелл — помощник госсекретаря по восточноазиатским и тихоокеанским делам. Кэмбелл — один из основателей Center for a New American Security, бывший директор Aspen Strategy Group. Возглавлял консалтинговую компанию StratAsia. Был старшим вице-президентом и руководителем программы по международной безопасности в Center for Strategic and International Studies. Член Совета по международным отношениям.

Филипп Гордон — помощник госсекретаря по европейским и евразийским делам. Преподавал в университете Джона Хопкинса и в лондонском Международном институте стратегических исследований, сотрудник Brookings Institute.

Артуро Валенсуэла — помощник госсекретаря по делам Западного полушария.

Он является директором программы латиноамериканских исследований в школе Эдмунда Уэлша в Джорджтаунском университете, а также профессором Duke University. Ранее состоял в совете директоров National Democratic Institute for International Affairs.

Эстер Бриммер — помощник госсекретаря по вопросам международных организаций. Сотрудник Университета Джона Хопкинса, член Совета по международным отношениям.

Ричард Морнингстар — специальный посланник по вопросам евразийской энергетики. В июне 2012 года вступил в должность посла США в Азербайджане. Сотрудник Института международных исследований Стэнфордского университета.

Джеймс Стейнберг — заместитель государственного секретаря, фигура особой значимости. И для описанного круга интеллек-

туалов в команде Обамы, и для интересующих нас вопросов мироустроительного обозрения.

Стейнберг — старший научный сотрудник Международного института стратегических исследований, старший аналитик РЭНД-корпорейшн, старший научный сотрудник Brookings Institute. Работал в Project on National Security Reform (Проект по реформе национальной безопасности). Во время предвыборной кампании именно Стейнберг был одним из основных разработчиков ближневосточной доктрины Обамы. А значит, именно его интеллектуальный штаб должен был в той или иной мере окормлять, а также оформлять процедуры «арабской весны». (И не стоит забывать, что, вне зависимости от качества интеллектуализма, демонстрируемого Стейнбергом, этот интеллектуализм

подкреплён всей мощью американской армии и флота и потому влияет на мировую политику.)

Может быть, и не стоит называть вышеназванную группу «синклитом мироустроителей». Но, тем не менее, картина этого «интеллектуального созвездия» вокруг Барака Обамы выглядит — с точки зрения политических амбиций экспертного сообщества — довольно внушительно.

Но вернёмся к фигуре Джеймса Стейнберга.

Стейнберг, ставший первым заместителем госсекретаря США с приходом Обамы в Белый дом, считается умеренным сторонником использования силы во внешней политике. Именно он исповедует принцип, который в последние месяцы не раз озвучивал Барак Обама, в том числе и в связи с Сирией: си-

ловые методы не всегда ведут к успешному разрешению кризисов, однако не исключено и применение США военной силы в одностороннем порядке как особый инструмент политического воздействия.

Как и упомянутый выше Курт Кэмбелл, Стейнберг относится к так называемым американским «интервенционалистам». А также к сторонникам применения концепции ограниченного суверенитета (в зависимости от того, какую политику проводит страна внутри своих границ). По мнению Стейнберга, проблемы современного мира неразрешимы в системе международных отношений, сложившихся после 1945 года и создания ООН, для которой приоритетом является суверенитет государства.

Вот слова Джеймса Стейнберга о Ливии, произнесённые им в конгрессе США в первой

половине 2011 года: «Мы лишили режим средств и ресурсов, которые могли бы пойти на поддержку действий, направленных против ливийского народа. Ливия раньше экспортировала 1,3 миллиона баррелей нефти в день. Это прекратилось... И у нас есть данные, что режим больше не может позволить себе платить сторонникам за участие в демонстрациях. И чем дольше будут сохраняться международные санкции, тем больше будет усиливаться давление на режим».

Очевидно, что это не слова «травоядного» интеллектуала. Речь идёт о вполне реальном оперативном могуществе представителей «фабрик мысли», находящихся на высших административных должностях в США. И об очевидном их участии в мироустроительной деятельности на Ближнем Востоке.

Надо сказать, что наличие этих «фабрик» как отдельной специфической зоны власти давно уже осознано в мире.

Характерный пример: с 1 июля 2008 года по 30 июня 2009 года правительство Катара перечислило Брукингз Институт (БИ) более одного миллиона долларов. С чего бы? Точнее — под какую концепцию? Далее, в тот же период тому же институту перечислили: от 200 до 500 тысяч — Норвегия, Швейцария и Тайвань, от 100 до 250 тысяч — Дания, Франция. Но и это не всё, поскольку среди спонсоров БИ — крупные иностранные компании («Хитачи», «Тойота», «Пфайзер»). А также... частные лица. К примеру, частным жертвователем в БИ является один из крупнейших украинских бизнесменов Виктор Пинчук.

Таким образом, интеллектуальные цен-

тры получают широкие возможности выбора международной «клиентуры». И, похоже, постепенно превращаются в некое подобие отдельного международного сообщества, становящегося важным элементом будущего мироустройства.

Надо сказать, что «интеллектуальные центры» отнюдь не чуждаются самоосмысления. В том числе в прямой связи с поставленными выше вопросами.

Примером такого осознания своей роли в изменяющемся мире можно считать материал Пенсильванского университета под названием «Отчёт о глобальном исследовании интеллектуальных центров за 2012 год и политические рекомендации» (автор — доктор Джеймс Дж. Макганн).

Вот что говорится в отчёте:

«Рост экономики знаний привёл к со-

ревнованию между институтами зна- ний по всему миру за лучшие идеи и людей. Новые технологии выровняли ми- ровое игровое поле так, что возникшие вызовы спровоцировали появление сил и элитных институтов по всему миру. Те- перь есть миллиард человек, у которых есть доступ в Интернет в каждом реги- оне мира».

Это заявка. За которой следует самоназва- ние:

«Распространение государствен- ных и негосударственных акторов, таких, как НКО (негосударственные некоммерческие организации) и МГО (межгосударственные межправитель- ственные организации), создало запрос на истеблишмент мозговых центров по всему миру (подчёркнуто нами — Авт.)»

и обеспечило ему поддержку и определённую нишу».

Итак, выражение «истеблишмент мозговых центров», по-видимому, должно уже ставить вопрос о глобальном элитном отборе.

Следующая тема — востребованность.

«Демократические движения по всему миру помогли разогреть запрос на независимый анализ государственных политик и создание нового набора неправительственных мозговых центров...

Правительства столкнулись лицом к лицу с рядом высокотехнических и комплексных проблем, решение которых требует такого уровня компетентности, что влиятельным политическим лицам приходится искать совета на стороне».

А дальше — опять самосознание:

«Обращение правительств к мозговым

центрам за разъяснением и советом по этим вопросам есть событие историческое, но ситуация может меняться».

Ниже автор отчёта вскользь затрагивает весьма чувствительную тему влияния «фабрик мысли» на принятие политических решений:

«Исторически сложилось так, что мозговые центры фокусировались на результате, а не влиянии. Как мозговые центры оценивают своё влияние? Для многих институтов оценка ограничивается количеством выпущенных книг и аналитических записок, а не созданием импульсов к новому законодательству или смене политики. Эта проблема ещё больше усложняется спонсорами, которые заинтересованы в поддержке «влиятельных организаций» и хотят, чтобы

мозговые центры проявляли своё влияние на государственную политику».

Здесь явно присутствует самозадание на будущее. И оно напрямую связано с понятием власти. Речь идёт не только о новом статусе и роли, но и новом структурировании деятельности «интеллектуальных центров».

«Как только мозговые центры столкнулись с новыми вызовами в обществах, где они работали, они приспособились и создали гибридные институты. Всё больше и больше мозговых центров становятся сочетанием различных типов организаций (академические исследовательские центры, консалтинговые группы, маркетинговые фирмы и информационные агентства). Роль основного штата сотрудников так же поменялась. Кадровая и бюджетная структуры мозговых

центров настроены на политические исследования в той же мере, что и на продвижение этой политики, равно как и на поддержку исследователей, которые ведут работу. Сегодня институтский штат сотрудников мозговых центров составлен из разносторонних личностей. Каждый отчасти и исследователь, и журналист, и маркетинговый руководитель, и политический деятель».

В приведённом фрагменте описана не только новая структура, но и новая личность — личность эксперта-политика. Такого, как Джеймс Стейнберг или многие другие интеллектуалы на верхних этажах американской власти.

В самом деле, ведь статус «фабрик мысли» повышается не просто так, а потому, что существуют масштабные вызовы, с которыми

им приходится иметь дело. Доктор Макганн из Пенсильванского университета обозначает это положение следующим образом:

«Есть один главный глобальный структурный регулятор, который переворачивает мир вверх тормашками».

Что же это такое? А вот что.

«Продолжающийся экономический кризис и связанные с ним финансовые трудности выявили глубокосидящие структурные и финансовые проблемы, которые ведущие политики исторически откладывали от одной администрации к следующей. Эти проблемы начали всплывать на поверхность местного политического ландшафта...

Динамичный рост и соревновательный настрой зарождающихся экономик на глобальном Юге требует от стран Се-

вера, чтобы они урезали свои бюджеты и правительственные программы, дабы привести их в соответствие с текущим глобальным экономическим соперничеством, меняющимися демографическими данными, возрастающим госдолгом всех уровней и маленьким, либо вообще отсутствующим экономическим ростом. Северным экономически развитым странам с их неспособностью соревноваться с низкими зарплатами и низкими затратами на получение прибыли в развивающихся странах и зарождающихся экономиках будет трудно выбираться из экономического кризиса...»

А далее следует — внимание! — очень примечательный фрагмент.

Пункт XI отчёта называется... «Политические цунами»:

«Политические цунами (Policy Tsunamis, если кто не верит): Сегодня на национальном уровне увеличивается количество политических, природных и социальных феноменов, которые оказывают сильное влияние на глобальном уровне. С укреплением глобализации число и мощность этих транснациональных явлений будут расти. Это создаёт то, что я называю «Политические цунами». Я использую термин «цунами», потому что эти политические проблемы сначала проявятся на политическом ландшафте в одной стране, и потом будут расширяться и усложняться по мере прокатывания по всему миру с опустошительными последствиями. Только те страны, которые могут выявлять, отслеживать и анализировать

эти транснациональные ударные волны, смогут реагировать на них эффективно».

Напоминаем, что книга «Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке» была издана Международным общественным фондом «Экспериментальный творческий центр» под редакцией С. Кургиняна весной 2011 года. А уж какими путями расходятся в мире запущенные образы... И есть ли между ними связи... Не нам дано предугадать.

И под конец — снова возвращение интеллектуалов к проблеме своей роли в мире: *«Минули дни, когда мозговые центры могли работать под лозунгом «исследуй, запиши, а они сами найдут». Сегодня мозговые центры должны быть злыми и голодными политическими машинами».*

Как вам кажется, имеют вышеприведён-

ные развёрнутые высказывания отношение к мироустроительной деятельности? Нам кажется, что имеют. И потому кафедра «Мироустроительная война» продолжит исследовать деятельность западных «фабрик мысли» в период после начала «арабской весны».

Мария Подкопаева, Алексей Кречетов,
Тимур Уразов

Концептуальная война

Итальянский фашизм во власти. Политическое оформление и фашистская практика. Часть I

Муссолини создаёт структуру экономического и социального управления, в которой правительство — от имени фашистской партии — объявляет себя надклассовой «силой национальной солидарности»

Фашистский переворот в Италии завершился торжественным маршем по улицам Рима фашистских когорт, уходивших из города. 30 ноября 1922 г. Муссолини объявил состав правительства, куда вошли не только фашисты, но и представители популяров, демократов и либералов. Себе Муссолини оставил министерства внутренних и иностранных дел.

На первом заседании парламента он объявил: *«Я не хочу злоупотреблять победой, мог бы, но не хочу. . . Я мог бы покарать всех, кто пытался очернить, оклеветать фашизм. . . Я составил коалиционное пра-*

вительство не для того, чтобы получить парламентское большинство, — я в нём не нуждаюсь, — но чтобы призвать на помощь истощённой Италии всех, — независимо от партий, — кто хочет её спасти... Но палата должна понять, что от неё зависит — жить ещё два дня или два года... Мы требуем полноты власти, ибо хотим полноты ответственности. Пусть никто из наших вчерашних, сегодняшних или завтрашних недругов не воображает, что мы пришли ненадолго... ».

В сенатском выступлении Муссолини был почти таким же жёстким: «...Если совершенный либерализм требует, чтобы нескольким сотням безумцев, фанатиков или мерзавцев была дана свобода уродовать сорок миллионов итальянцев, — то-

гда я не либерал... Я хочу, чтобы национальная дисциплина не была больше пустым словом... Фашисты... снабжены мистическим чувством послушания. Я уверен, что... фашистский иллегализм нынче кончается, завтра исчезнет».

В провинциях фашисты в это время добивали всё, что политически и экономически относилось к «красным». Но, действительно, уже через несколько дней из Рима прозвучали — и были выполнены — приказы прекратить погромы.

И в эти же дни Италию обсуждал IV конгресс Коминтерна. На нём Карл Радек заявил: «В победе фашизма я вижу... величайшее поражение социализма и коммунизма после начала эпохи мировой революции... Если... социал-демократическая партия Италии не пой-

мёт оснований этой победы фашизма и причин нашего поражения, то нам предстоит встретиться с длительным господством фашизма». Председатель Коминтерна Григорий Зиновьев высказал ещё более мрачное пророчество: «...происшедшее в Италии — не местное явление. Нам неизбежно придётся столкнуться с такими же явлениями и в других странах, хотя, может быть, и в других формах. Вероятно, мы не можем избежать... периода... фашистских переворотов во всей Центральной и Средней Европе».

Между тем, Муссолини вовсе не был намерен опираться только на своих фашистов. Прежде всего, он быстро «удушает в объятиях» своего давнего соперника Д'Аннунцио. Муссолини знает, что перед фашистским переворотом соперник предлагал королю и пре-

мьеру услуги (свои и верных ардити) для «мягкого» переворота в свою пользу. После переворота Муссолини выкупает виллу Д'Аннунцио и берёт на правительство все расходы по её содержанию, приобретает в госсобственность архивы поэта, создаёт национальный институт для издания полного собрания сочинений Д'Аннунцио, осыпает честолубивого соперника государственными наградами, проводит его избрание академиком. Но в большую политику не пускает.

Одновременно Муссолини укрепляет отношения с Ватиканом. Весной 1923 г. он встречается с представителем Папы кардиналом Гаспарри и обещает очистить Италию от коммунистов и масонов, усилить санкции против оскорбляющих религию, установить распятия в школах и судебных присутствиях, восстановить капелланов в армии, вве-

сти обязательное религиозное воспитание во всех учебных заведениях. Вскоре Муссолини и назначенный министром просвещения Джентиле исполняют большинство этих обещаний. Школьная реформа возвращает в систему образования распятие, религию и латынь. Масонские ложи и коммунисты практически разгромлены.

Фашистской пропагандисткой машине Муссолини ставит задачу оформления государственной политики как наследующего Великому Риму радикального имперского национализма. И откровенно вербует в свою партию элитных националистов, ранее чуравшихся слишком «народного» фашизма и его «социалистического» привкуса. Муссолини подчёркивает, что строит именно национал-фашизм, и заявляет националистам: *«Мы вам принесли число, вы нам дали доктри-*

ну». В марте 1923 г. Националистическая ассоциация Энрике Коррадини вливается в фашистскую партию, радикальные аристократические кадры националистов занимают высокие места в партийной иерархии. А летом 1924 г. Муссолини передаёт важнейшие правительственные посты: министра внутренних дел и министра юстиции — представителям националистов Луиджи Федерцони и Массимо Рокка.

Муссолини регулярно повторяет, что главным врагом государства и нации после разгрома «левых» считает либерализм. Весной 1923 г. в журнале «Иерархии» он пишет: «... Люди устали от свободы... Для взволнованной и суровой молодёжи, вступающей в жизнь на утренних сумерках новой истории, есть другие слова, вызывающие обаяние, гораздо более величе-

ственное. Эти слова: порядок, иерархия, дисциплина... Фашизм не боится прослыть реакционным и объявить себя антилиберальным... Он уже раз прошёл и, если это будет нужно, ещё раз перейдёт спокойно через обезображенное, уже полустлевшее тело богини Свободы».

На вопрос, как фашисты собираются строить Новую Италию, Муссолини отвечал, что его программа самоочевидна: «... я не знаю ни одного идейного и политического движения, вооружённого доктриной более солидной и лучше определённой. Перед нами бесспорные реальности: государство, которое должно быть сильным; правительство, обязанное защищаться, ибо оно защищает нацию против разрушительной работы; сотрудничество классов, уважение к религии; развитие всех

национальных энергий; это — доктрина жизни».

Такая пропаганда фашистов — в сочетании с действительно установленным в стране порядком — получает всё более широкую массовую поддержку. И послушный Муссолини парламент в ноябре 1923 г. принимает так называемый «закон Ачербо», по которому партия, набравшая больше всего голосов на выборах, но не менее 25%, получает в палате две трети мест. На выборах весны 1924 г. фашисты — причём в союзе с либералами(!) — становятся хозяевами палаты.

И общий выборный список фашистов и либералов, и поддержка фашистов объединением крупнейшего бизнеса «Конфиндустрия» — не случайность. Муссолини полностью отрекается от своих прежних «социалистических» идей рабочего контроля на заводах, национа-

лизаций и государственного вмешательства в экономику. Он заявляет: *«Только тогда государство становится великим, когда оно отказывается от господства над материей и господствует над духом».*

Для «господства над духом» в июле 1924 г. Муссолини создаёт особое Министерство по делам печати и пропаганды, министром назначает националиста Дино Альфиери. Вскоре почти все оппозиционные газеты оказываются закрыты, а главным редактором газеты или журнала может стать только член фашистской партии и фашистского профсоюза журналистов. Печатная пресса, радио, кинематография и система образования (здесь особенно активную политику проводил соратник Муссолини министр-философ Джен-тиле) оказываются под жёстким контролем фашистских функционеров. Муссолини пом-

нит и тезис Парето о необходимости для власти «ресурса согласия» общества, и наставления Моска и Лебона насчёт мифов и их внушения массам. И выстраивает всеобъемлющую систему индоктринации, воспитания и пропаганды, которая круглосуточно транслирует населению страны и зарубежной публике фашистское представление о благости политических, экономических, социальных, культурных норм фашизма.

А в сфере «материи», то есть экономики, правительство Муссолини сразу инициирует жёсткие антисоциалистические реформы. Начинаются денационализации предприятий, прекращаются промышленные и сельскохозяйственные субсидии, снимаются ограничения квартплаты, отменяется страхование по старости, усиленно проповедуется уважение к собственности (всё это — со ссылкой

ми на древнеримскую традицию). Большинство прямых налогов изменяется на косвенные, прогрессивная шкала прямых налогов меняется на выгодную для бизнеса пропорциональную.

Фашистская власть открыто переносит свою социально-политическую опору на буржуазию — крупную, среднюю и мелкую, одновременно шантажируя её «красной угрозой» и заставляя переводить экономику «на мирные рельсы».

Эту политику правительство Муссолини проводит под лозунгом «Экономия, труд, дисциплина». Уже в 1923 г. увольняется около 30 тыс. госчиновников. Происходит постепенный возврат от 8-часового к 9-часовому рабочему дню. Ставится — и уже к 1924 г. реализуется — цель добиться бездефицитного бюджета, сокращается инфляция, растёт экс-

порт, улучшая торговый баланс страны. А через 5 лет после фашистского переворота, в конце 1927 г., официально восстанавливается размен бумажной лиры на золото. Старые и новые сторонники фашистов вполне искренне заявляют: *«Италия воскресла, как Лазарь»*.

На этом фоне левые — резко ослабленные фашистскими репрессиями, но не разгромленные — только однажды получили реальный шанс на реванш. 10 июня 1924 г. фашисты убили очень известного и популярного политика-социалиста Джакомо Маттеотти. Это убийство вызвало и парламентский, и общеполитический кризис. Коммунисты призывали все фракции к всеобщей забастовке и ультимативному требованию к королю отправить правительство Муссолини в отставку. Однако фракции социалистов, пополаров и

демократов, объявив организацию «антифашистского фронта», просто ушли из парламента, создав на Авентинском холме как бы отдельную законодательную палату.

Муссолини же воспользовался паузой. Он уволил наиболее радикальных фашистских политиков (в том числе причастных к убийству, а также своих влиятельных в партии конкурентов), и заставил фашистскую милицию присягнуть королю. И через газеты, радио, митинги настойчиво внушал монарху, буржуазии, широким массам и Ватикану, что обрушение его фашистского правительства неизбежно приведёт к новому витку «социалистического хаоса». В результате оппозиция ничего не добилась, и политический кризис рассосался без серьёзных последствий для фашистов.

Далее Муссолини настойчиво укрепляет

— политически, экономически, социально — свой фашистский режим. В качестве главного механизма он использует синдикализм и корпоративизм.

Идеи синдикализма и корпоративизма в Италии были в социально-политическом обиходе достаточно влиятельны. Ещё папа римский Лев XIII в энциклике 1891 г. заявил (фактически повторяя тезисы Эмиля Дюркгейма, которые мы в газете обсуждали ранее) о взаимозависимости различных классов сложного общества и необходимости межклассовой, то есть национальной, солидарности. Католические профсоюзы/синдикаты и программа партии пополаров были в значительной части построены на этих принципах. Сохранились в Италии и структуры, подобные средневековым гильдиям и корпорациям, солидарно объединявшим предпринимателей

и работников определённых профессий.

Однако Муссолини понимал неустойчивость подобной солидарности. И для разрешения проблемы вновь обратился к концепту своего любимого Ж. Сореля, который считал, что организованное сопротивление рабочих должно воскресить производственную активность буржуазии: *«... Растущий и крепко организованный рабочий класс может заставить класс капиталистический пребывать воспламенённым экономической борьбой. . . »*.

Муссолини формально берёт на вооружение и пропагандирует эту идею Сореля, но фактически надстраивает над корпоративной системой в качестве «главноуправляющего» свою фашистскую партию.

Весной-летом 1926 г. принимаются законы «хартии труда», по которым низовые

профсоюзы-синдикаты объединяются в профессиональные корпорации, отдельные для рабочих и предпринимателей. Корпорации (всего 13, из них 6 для отраслевого бизнеса, 6 для отраслевых рабочих, одна — для лиц свободных профессий) учреждаются декретами министра корпораций (этот пост Муссолини взял себе).

Обязательное условие признания низового синдиката — *«защита экономических и моральных интересов»* своих членов, а также *«национальное воспитание»*. Вся система деятельности корпораций и синдикатов (назначения на посты, трудовые инициативы и т.д.) контролируется фашистской партией, для чего в партии создан специальный «синдикальный отдел».

Осенью 1926 г., после этой «корпоративной реформы», Муссолини заявляет: *«Мы*

носители новой политической системы, нового типа цивилизации. Там не может быть тирании, где существует целый миллион записавшихся в фашистскую партию, три миллиона записавшихся в экономические организации, 20 миллионов человек, повинующихся директивам правительства. Если был когда-либо в истории демократический режим, то именно наш фашистский строй и есть истинная демократия... ».

В итоге Муссолини создаёт структуру экономического и социального управления, в которой правительство — от имени фашистской партии — объявляет себя надклассовой «силой национальной солидарности» и потому «честным арбитром» в отношениях между синдикатами и корпорациями, которые, якобы, и есть реальная экономическая

власть. Однако вот как определяет эту ситуацию Н. Устрялов, один из самых проницательных современников и аналитиков итальянского фашизма: «Не только фактически, но и юридически фашистское правительство есть не власть синдикатов, а власть над синдикатами. Иерархический принцип не сливается с корпоративным, а заглушает, забивает его... Государство — это партия. Партия — это вождь. В партии — органический отбор, а не механические выборы, «элита», а не «народное представительство».

Но для того, чтобы создать такую систему, Муссолини должен был обеспечить жёсткую иерархию фашистской партии и её реальную власть, а также прочное собственное всевластие в партии.

Этим он, в первую очередь, и занимался.

Юрий Бялый

Война идей

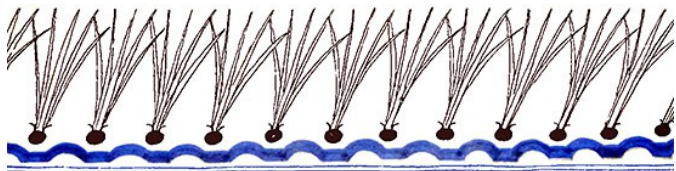
Купите лук, зелёный лук,
петрушку и морковку, купи-
те нашу девочку, шалунью и
плутовку. . .

Мы вот-вот получим полный пакет ювенальных «услуг» уже не от привычного «семейного» комитета, а от «социального». Что ж, ювенальная гидра — она на то и гидра, чтобы хищные головы отрастали

Купите лук

Купите лук, зелёный лук,
Петрушку и морковку!
Купите нашу девочку,
Шалунью и плутовку!

Не нужен нам зелёный лук,
Петрушка и морковь.
Нужна нам только девочка,
Шалунья и плутовка.

Была у нас в доме когда-то хорошо изданная детская книжка — шотландские шуточные стихи и песенки. И, помню, один стишок казался взрослым очень классным, а дочке моей маленькой — ну совершенно не нравился, просто ни в какую!

*Купите лук, зелёный лук,
петрушку и морковку,
купите нашу девочку,
шалунью и плутовку!
Не нужен нам зелёный лук,
Петрушка и морковка!
Нужна нам только девочка,
шалунья и плутовка!*

Весело ведь, задорно? Но ровно в этом месте ребёнок гарантированно начинал реветь. И никакие объяснения, что детей вместе с зеленью на рынке не продают, не действовали. Умом понимала, что шутка, но что-то было в

шутке нехорошее. Неправильное. Ну не должны любовно звучащие «шалунья и плутовка» быть рядом с «куплю-продам» — ребёнок чуял скрытый сюжет. Однако нам, тогда беззаботным советским родителям, невдомёк было, что просвечивающая в стишке средневековая реальность может вновь стать чем-то вполне актуальным. Что рыночные отношения могут выйти за положенные им пределы и начать залезать в частную жизнь семей.

И вот эта «новизна» встаёт перед нами в полный рост. В виде конкретного, сейчас принимаемого закона. А также инициатив и предложений по тому, что бы там ещё в действующих правовых актах подкорректировать, дабы сделать тему заботы о детях максимально прибыльной. Изменение законодательства обосновывают необходимостью взять под контроль — рыночный контроль,

что существенно! — неимущих и иначе социально беспомощных. Ну то есть если грубо на пальцах, то бедных хотят пересчитать, занести в единый реестр и дальше ими манипулировать через оказание помощи. Кто-то за ней обратится по старой привычке, кто-то и нет — это без разницы. Заявительный принцип меняется на выявительный. Выявлен, нуждаешься — тебе чем-то помогут (не факт, что нужным), но и будут держать на контроле. А контроль в перспективе обернётся вмешательством в семью: вы ещё не знаете, как у вас ребёнку плохо, а сотрудник наблюдающей инстанции (профессионал!) уже видит. И ему чем больше подопечных через его руки прошло — тем лучше. Поэтому он всегда готов предоставить вам услугу. Отказались — так это ж подозрительно! Тут уж точно под контроль. (Профессионализм испол-

нителей — отдельная тема, мы к ней вернёмся ещё). В общем, рынок не терпит фиглей-миглей, и бюрократия, взявшаяся насаждать его в сфере опекунства, действуют прагматично, воинственно игнорируя такие «тонкие материи», как чувства. Детские и родительские. Она бодро переводит заботу о слабых в денежный эквивалент, не забывая и себя, любимых, но «почему-то» забывая, что с людьми так нельзя. И мы даже догадываемся, почему. Потому что сказали, что так можно, что так нужно, что на Западе все именно *так* делают. А уж о том, что это выгодно, они догадались сами. Бывалые, чай.

Закон, о котором сейчас речь, не ювенальный закон в чистом виде и идёт не по мизулинскому Комитету по делам семьи, женщин и детей, он называется «Об основах социального обслуживания граждан в Россий-

ской Федерации» (законопроект №249303-6). Соответственно и комитет — «по труду, социальной политике и делам ветеранов». Но это именно ювенальный закон в части, касающейся семей с детьми, и этот закон в принципе (он ведь «по душе» и взрослых инвалидов и пенсионеров) подрывает понятие «социальная поддержка». Между прочим, основополагающего понятия для любого социального государства. Каковым наше всё же является, не так ли?

Почему позволительно сказать такое о законопроекте, нацеленном вроде как раз на улучшение дела поддержки слабых членов общества? И если это хоть в какой-то мере так, куда же смотрят законодатели — они же его готовили на профильном комитете, обсуждали в первом чтении?

Справедливости ради надо сказать, пер-

воначальный вид законопроекта был столь ужасен, что думцы это заметили, и после первого чтения составители сильно доработали текст. Но суть осталась неизменной. Почитайте, и вы увидите, этот плод коллективного разума всё время толкует нам о социальной *услуге*, а вот столь естественное в данном контексте слово «*помощь*» там практически отсутствует. Точнее, оно возникает — для определения понятия «услуга», и так потом «услугой» и идёт по тексту.

И не подумайте, будто это издержки стиля, дань моде на прагматику. Это очень содержательная подмена. Это — идеология.

Какие ещё «слабые»! Ещё «сырые и убогие» скажите! Вытащите и это из своего нафталинового сундука! Ага, и притащите в наш мир сверкающей рекламы, светящихся ночью обрубков деревьев, замечательных бутиков и

чудесных цивилизованных решений! Ци-ви-ли-зо-ван-ных! Вот вашим сырым и убогим — почему помогать надо? Потому, что они не вписались? А детей плодить они вписались?! Ну так цивилизованное решение в том, чтобы позаботиться об этих детках несчастных, пусть хоть они станут успешными. Слово такое знаете? У-спеш-ны-е. Которые поспешили и всего добились. Вот им и надо помочь. Вот этим мы и займёмся — через некоммерческие организации, и под руководством опекающих данные НКО иностранных фондов. Благотворительных фондов, помогающих НКО и квалифицированным советом, и финансовыми вливаниями. У нас-то бюджет не резиновый, вона и президент говорил, что не выполнен. А благотворительность — великое дело, рука дающего не оскудеет! Хватит и деткам, и инвалидам, и всем причастным к

процессу.

В этом месте воображаемый монолог воображаемого специалиста по соцобеспечению должен прерваться, дабы подспудный смысл выстраиваемой чиновной «кормушки» не стал совсем уж явным.

Но мы же способны додумать до конца детали замысла? Итак, речь идёт о людях, прежде обращавшихся в органы соцобеспечения за разовой помощью или состоящих на постоянном обслуживании как группа, подлежащая заботе государства. Тут и мама ребёнка-инвалида, которой надо бы помочь пандус для коляски в подъезде установить, и многодетные с их очевидными проблемами, и одинокие старики, которым то, что прежде называлось собесом, привычно посылает соцработника принести кошёлку с продуктами.

Про всех этих граждан сначала выяс-

няют, как они дошли до жизни такой (что ж, естественные «контроль и учёт» со стороны помогающих... пардон, поставляющих «услуги»), потом займутся «профилактикой обстоятельств, обуславливающих потребность в социальном обслуживании» (это «система мер, направленных на выявление и устранение причин, послуживших основанием ухудшения условий жизнедеятельности граждан, снижения возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности»), а потом начнётся главное — межведомственное взаимодействие исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации при предоставлении социальных услуг и при содействии в предоставлении медицинской, педагогической, психологической, социальной, юридиче-

ской помощи, не относящейся к социальным услугам (социальном сопровождении).

Что такое «межведомственное взаимодействие», столкнувшиеся с ювенальной системой уже знают. Это когда вы сходили с ребёнком в поликлинику, или сестра пришла на дому уколы сделать, а потом медработнице что-то примерещилось насчёт «трудной жизненной ситуации» у вашего ребёнка, она «стукнула» (пардон, написала обязательный отчёт Большому Ювенальному Брату) и... к вам вдруг нагрянули сводные силы полиции, опеки и кого-нибудь ещё до кучи. Реализовывать «право (вашего) ребёнка на детский дом».

Это совсем не антиутопия, это прямо сейчас, до всяких законов, становится бытом. Так вот, подконтрольная Большому Брату группа «межведомственно взаимодействующих» распространит теперь своё специфиче-

ское внимание уже не только на детей, а и на всех, кому не повезло быть здоровым и богатым. Да, ещё и молодым! В чём, спросите вы недоверчиво, тут-то специфика? Зачем им старики и инвалиды, одна ж морока, это не дети, их-то за границу не пристроишь! Ну... так, да не так.

Не вдаваясь в подробности, напомним, что одинокие старые люди часто не имеют достаточных средств, но имеют весьма неплохие квартиры. Конечно, в законодательстве прописано, что услуги оказываются с согласия. Но «уболтать» беспомощного человека, будь-то в интернате ему будет лучше, да и вообще «иначе никак, все услуги нынче платные, пенсии вашей не хватит» — не самое трудное дело. Думаете, кто-то гарантирует отсутствие мошенников в сооружаемой системе? В общем, простор тут для предприимчивых ор-

ганизаторов «учёта и контроля» немалый. И это не клевета на нашу бюрократию, наши НКО и прочая! Это, увы, правда жизни. Для которой в принимаемом законопроекте полно лазеек.

А базы данных на всех, обратившихся за соцпомощью — они ведь тоже будут широко доступны в рамках «межведомственного взаимодействия»! Более того, и не обратившиеся семьи — многодетные сразу, по определению, а в «идеале» (к которому ювенальщики стремятся) и все семьи с детьми — окажутся под контролем. Под чьим контролем? Да под чьим угодно. И системы, заинтересованной в увеличении прокачиваемых через неё ресурсов. И разного рода рэкетиоров. И просто криминала. Со всеми вытекающими последствиями.

Итак, мы вот-вот получим полный пакет тех же ювенальных (и даже больше) «услуг»,

правда, уже не от привычного «семейного» комитета, а от «социального». Что ж, ювенальная гидра — она на то и гидра, чтобы хищные головы отрастали. Само по себе это не удивляет. Но вот что привлекает внимание — так это невероятная скорость разворачивания «гидрой» рыночной темы. Не так давно московский Департамент по соцразвитию объявил о намерении обеспечивать социальных сирот жилплощадью за счёт площади их родителей, лишённых прав. При этом не уточнялось, по достижении восемнадцатилетнего возраста или сразу, как только суд постановит, что родители «нерадивые». А ведь тут кроется серьёзная возможность для злоупотреблений. При ювенальных подходах социальное сиротство, как мы знаем, резко возрастает. Возрастает и армия сопровождающих процесс «профи».

Эта саранча будет пожирать бюджет? Вряд ли. Он и так не выполняем. Значит, её переведут на «самообеспечение». Гранты по линии НКО? Не только. Скорее всего, основной статьёй дохода для саранчи станут алименты, которые предполагается взимать за содержание детей (содержание, как бы «государством») с мам и пап, лишённых родительских прав. Алименты — порядка 30 000 рублей. Такова концепция, разработанная совместно Госдумой и Правовым управлением Совета Федерации. О чём в начале декабря сообщил председатель комитета СФ по социальной политике В. Рязанский. И привёл пример Белоруссии, где такая система хорошо работает. Там «деньги, потраченные государством на обеспечение детей из неблагополучных семей, автоматически становятся родительским долгом. Для его оплаты ли-

шённым прав родителям приходится либо идти работать и отдавать большую часть зарплаты, либо, в самом крайнем случае, должникам придётся расстаться с имеющимся у них жильём. Таких необязательных родителей трудоустраивают, заставляют работать. Осуществляет надзор за этим муниципальная власть, а также сотрудники органов правопорядка. Фактически государство находит в себе силы за руку водить на работу этих людей, следить, как они работают и что получают. Цифра на содержание ребёнка в детском доме колеблется от 20 до 30 тысяч рублей в месяц».

Вы понимаете, что сказано? Как именно сравнивают «божий дар с яичницей»? Государство (Белоруссия), в котором нет проблемы безработицы, но есть проблема нежелания некоторых, действительно нерадивых,

родителей работать, — сравнивают с государством (Россия), где именно отсутствие работы у огромного количества населения плодит социально ущемлённые семьи! Г-н Рязанский этого не знает? Думается, знает. Так зачем этот бред?

Да затем, что замысел по «потрошению» семей может выполняться двумя способами. В одном случае — когда с родителей можно взять ежемесячно тысячу долларов — их обвиняют в «нерадивости» по пустым ювенальным поводам и эту тысячу берут. Это будет то самое «богатые тоже плачут», в которое наши успешные сограждане пока не верят. В другом — когда взять нечего, только, извините, натурой, собственно детьми — будут брать «только» ими. «Не нужен нам зелёный лук, петрушка и морковка. . . »

Но и в том, и в другом случае — если мы

позволим этому случиться! — будут бить по семье, ведь «саранче» надо есть. А тем, кто эту рыночную идею двигает с Запада (и на самом Западе), надо, наконец, решить проблему перенаселения. Ну скажите, станут ли люди рожать детей, зная о такой перспективе: и ребёнка потерять, да ещё и тех, кто у тебя его отнял, содержать?

Мария Мамиконян

Диффузные сепаратистские войны

Кто стоит за нагнетанием антиисламских настроений в России?

Нельзя исключать, что радикальные исламистские организации готовят в Москве большую провока-

цию. Поскольку противодействие подобной акции со стороны радикальных русских националистических организаций неизбежно, всё это не может не сопровождаться «силовыми» эксцессами

Межнациональный мир и межконфессиональный диалог — основы существования такого полиэтнического государства, как Россия, на территории которого проживает более 180 народов и присутствуют все крупные мировые религии. Именно эти основы подвергаются атакам со стороны националистов и религиозных радикалов, стремящихся разрушить страну и на её обломках реализовать свои несовместимые с существованием России «проекты».

Важная роль в этих атаках принадлежит исламистам, ведущим (особенно в последние годы) двойную игру. С одной стороны, они через террористическую войну, объявленную России, и экстремистские акции провоцируют и раздувают (уже более 20 лет) антиисламские настроения в обществе. А с другой — организуют провокационные кампании «в защи-

ту ислама», пытаюсь (и иногда небезуспешно) разогревать межэтнические и межконфессиональные конфликты с исламской стороны.

Подчеркнём, что практически все религиозные лидеры традиционного ислама в России считают такие кампании провокационными и заявляют, что ислам не нуждается в защите радикалов, вносящих раскол в мусульманское сообщество (умму).

Например, татарстанский муфтий Фарид Салман настаивает: *«Притеснения ислама в России нет. Ислам в России расцветает, пользуясь полной свободой действий в рамках общего для всех конфессий закона»*. При этом муфтий признаёт, что именно эта широкая свобода вероисповедания, возникшая в России с начала 1990-х годов, дала возможность проникнуть в нашу страну нетрадиционным радикальным версиям ис-

лама, с которыми представители уммы сейчас — пока безуспешно — борются.

Сразу подчеркнём, что мы с глубоким уважением относимся к исламской религиозной традиции. И согласны с мнением многих экспертов и религиозных деятелей о том, что «отрицательный имидж» ислама на значительной части российских территорий связан как неумением (или нежеланием) части мигрантов из южных регионов страны адаптироваться к нормам жизни в других российских регионах, так и с противозаконной деятельностью представителей исламских радикальных организаций. Причём, конечно, деятельность радикальных исламистов (в особенности с учётом двух чеченских войн и громких террористических актов на территории России) продолжает вносить в этот отрицательный имидж основную лепту.

Примеров, показывающих, что преступления исламских радикалов порождают не только враждебность российского общества по отношению к ним, но и недоверие и подозрительность в адрес представителей традиционного ислама (особенно в регионах с небольшой долей мусульманского населения) — в избытке.

21 октября 2013 года в пассажирском автобусе в Волгограде террористкой-смертницей был совершён крупный теракт с многочисленными жертвами и ранеными. Одной из реакций на это преступление стала попытка поджечь дом лидера мусульманской общины Волгограда.

16 ноября исламисты попытались обстрелять системообразующее предприятие Татарстана — ОАО «Нижнекамскнефтехим». Самодельные ракеты не долетели до цели, что

спасло крупнейшую нефтехимическую компанию от жертв и разрушений. В связи с этой акцией специалисты заговорили о поиске исламскими радикалами новых форм «стратегии напряжённости» в России. Важным элементом такой стратегии являются и поджоги исламистами православных храмов в Татарстане.

Не может не вызывать тревогу у населения и множество сообщений о том, что «выпускники» некоторых исламских учебных заведений уходят к боевикам и пополняют ряды незаконных вооружённых формирований.

Так, в начале ноября 2013 года стало известно, что в Ставрополе существовала «женская школа», где девушек из различных регионов страны, как заявляют представители правоохранительных органов, «обучали основам ислама и экстремизму». Те

же представители спецслужб указывают, что некоторые выпускницы этой «школы» вышли замуж за боевиков и осели в дагестанском бандподполье или уехали *«бороться за свободу мусульман на Ближний Восток»*.

При этом эксперты подчёркивают, что в последнее время желание эмиссаров бандподполья вербовать для террористических акций именно «славянскую молодёжь» заставило их не только существенно расширить «географию поиска» фактически на всю территорию России, но и обратить внимание на подростков из детских домов и интернатов.

Протесты жителей российских регионов (особенно, с преобладанием русского населения) против строительства на своих территориях новых мечетей чаще всего продиктованы опасением, что прихожанами (и даже имами) мусульманского «молельного заведе-

ния» могут оказаться сторонники радикальных взглядов. Эти опасения подогреваются и тем, что нередко такое строительство мечетей идёт тайно и при нарушении законодательных и строительных норм.

Подобные случаи, а также бытовые конфликты (иногда с летальным исходом) между русскими и мигрантами из южных регионов России, конечно же, не могут не формировать у значительной части населения «русских» регионов настороженности или отторжения как в отношении приезжих с Северного Кавказа, так и в отношении ислама в целом.

Тем не менее, в «русских» регионах России, несмотря на нередкие локальные межэтнические и межконфессиональные конфликты, социально-политическая ситуация — пока — находится под контролем. Причём боль-

шая заслуга в этом принадлежит традиционному исламскому духовенству, ведущему в умме постоянную и настойчивую разъяснительную и воспитательную работу, участвующему в разрешении возникающих конфликтов и конструктивном межконфессиональном диалоге.

Однако в некоторых российских регионах с традиционно широким распространением ислама — на Северном Кавказе и в республиках Поволжья — налицо всё более острые процессы радикально-исламской дестабилизации. Здесь сторонники радикального ислама активно нагнетают межэтническую напряжённость и антигосударственную истерию в обществе, провоцируют конфликты и агрессивно борются за влияние в умме.

Уже несколько лет от исламистских лидеров и их союзников постоянно звучат заявле-

ния о «притеснениях ислама и мусульман в России». Причём в последнее время центром такой активности исламистов стал Дагестан (где эксперты давно отмечали наличие развитого ваххабитского подполья).

Так в конце ноября 2011 года в Махачкале состоялись сразу два многочисленных митинга *«против бесчинства властей и спецслужб, незаконных похищений и убийств людей»*. Среди лозунгов выделялись следующие: *«Они мучили их лишь за то, что они уверовали в Аллаха великого и достохвального!», «Отпустите наших сыновей!», «Мусульмане устали от беспредела спецслужб!»*.

Уже тогда эксперты обратили внимание на то, что сценарии организации этих митингов были полной калькой протестных акций во время т.н. «арабских революций». Здесь

была и активная предварительная «разогревающая работа» в социальных сетях, и освещение акции в режиме онлайн на страницах в Twitter и Facebook, и последующая мощная информационно-пропагандистская кампания, и обещания ораторов (если *«власть не станет считаться с выдвинутыми требованиями»*) сделать данные митинги еженедельными после совершения пятничного намаза. Протесты в Махачкале тогда так и называли *«Дагестанским Тахриром»*.

При этом правоохранные органы фиксировали участие в этих митингах родителей, которые, точно зная, что их дети ушли в бандподполье, активно требовали *«отыскать без вести пропавших сыновей»*.

Среди организаторов этих (и последующих) митингов в Дагестане особенно выделялись: лидер общественной организации

«Союз справедливых» Мухаммад Карташов (призывавший собравшихся *«выходить на улицу и защищать свои права»*), сторонник запрещённого в России международного террористического движения «Хизб ут-Тахрир» Билал Магомедов, представитель ассоциации «Ахлю-Сунна» (объединяющей дагестанских радикалов-салафитов) Гаджи-магомед Махмудов.

Обратим внимание на то, что члены «Союза справедливых» придерживаются радикальных исламистских взглядов, а М.Карташов является дальним родственником исполнителей «бостонского теракта» (весной 2013 года) братьев Царнаевых. По информации правоохранительных органов, во время своего визита в Дагестан в 2012 году Т.Царнаев встречался с М.Карташовым и вступал в контакты с представителями даге-

станского бандподполья.

Зафиксировав это, обратимся к развитию интересующей нас «протестной тематики».

Летом 2012 года митинги «*в защиту притесняемого в России ислама*» с участием местных салафитов и членов «Хизб ут-Тахрир» прошли в Казани. В их организации участвовал осуждённый позже за распространение исламистских идей имам мечети «Аль-Ихлас» (считающейся штабом «хизб-ут-тахрировцев» в Татарстане). Напомним, что эти акции являлись ответом на действия спецслужб, занимавшихся расследованием терактов в отношении духовных авторитетов Татарстана.

В сентябре 2012-го митинг «защитников ислама» под знамёнами «Хизб ут-Тахрир» прошёл в Кизляре, а в феврале и ноябре 2013-го мощные выступления «*против ис-*

ламофобии и кавказофобии во внутренней политике России» прошли в Махачкале. Причём требования и лозунги митингующих в Дагестане практически повторяли те, что «Хизб ут-Тахрир» выдвигал в Татарстане. Осенние одиночные пикеты исламистов в Санкт-Петербурге, Москве и Тюмени с плакатами: *«В России запретили Коран — я против!»* — дали некоторым экспертам основание говорить о том, что «Хизб ут-Тахрир» готов проводить единую провокационно-протестную кампанию во многих регионах страны.

На февральском митинге в Махачкале лидер «Союза справедливых» М.Карташов огласил основные тезисы этой кампании: *«Идёт борьба против ислама на территории России. Не дают разрешения на постройки мечетей... Также закрыва-*

ют мечети, как это было в Казани с мечетью «Аль-Ихлас»... До чего дошло — вопрос (запрещения) хиджаба подняли на государственный уровень... Запрещают книги всемирно известных исламских учёных».

Очевидно, что так называемые «защитники ислама» отбирают для «протестного разогрева» мусульман те проблемы, которые являются предметом наиболее острых дискуссий среди населения тех регионов, где набирают вес исламисты.

Ещё один повод для обвинения российских властей со стороны исламских радикалов — принятое в сентябре 2013 г. решение суда Новороссийска о признании экстремистским перевода Корана на русский язык, выполненного специалистом по истории и философии ислама, азербайджанским философом

Эльмиром Кулиевым. Суд наложил запрет на распространение перевода, *«провозглашающего превосходство мусульман над немусульманами»* и создающего *«угрозу национальной безопасности государства»*. Подчеркнём, что по оценке представителей традиционного ислама, Э.Кулиев перевёл Коран неадекватно, *«согласно мировоззрению ваххабитов»*.

На февральском митинге 2013 года в Махачкале под знамёнами «Хизбут-Тахрир» звучала и критика международной политики России в отношении Сирии. Участники акции, среди которых значительную часть составляли прихожане салафитской мечети, заявили о поддержке *«мусульман, которые воюют против президента Асада в Сирии, чтобы там установился шариат»*.

В связи с этим обратим внимание на то,

что лидер ваххабитского подполья Северного Кавказа Доку Умаров призвал российских исламистов, находящихся в Сирии, вернуться в Россию к Олимпийским играм в Сочи для *«продолжения джихада»*. Таким образом, существует реальная опасность того, что опытные боевики активизируют террористическую деятельность подпольных бандформирований в России и примут участие в провокационной кампании по «защите ислама», которая стремительно набирает обороты.

После ноябрьского общекавказского митинга в Махачкале было объявлено, что в конце 2013-го или начале 2014 года в Москве планируется провести *«общероссийский митинг против исламофобии, кавказофобии и ксенофобии»* с участием не только северокавказских общественных организаций, но и представителей среднеазиатских диаспор.

Знаковым в данном случае является размещение на своей страничке в Facebook одним из организаторов акции в Дагестане, представителем Высшего совета Российского конгресса народов Кавказа (РКНК) Абакаром Абакаровым фотографии массового митинга начала 90-х на Манежной площади со своими пожеланиями: *«Вот такой должен быть митинг!.. Именно там и надо!»*.

С учётом того, что за последние годы Манежка стала «митинговой площадкой» русских националистов-уменьшителей, нельзя исключать, что радикальные исламистские организации готовят в Москве большую провокацию. Поскольку противодействие подобной акции со стороны радикальных русских националистических организаций неизбежно, всё это не может не сопровождаться «силовыми» эксцессами. В которые, в свою

очередь, не смогут не вмешаться правоохранительные органы.

Конечно же, в случае успеха такой провокации исламисты, а также антироссийски заинтересованная «международная общественность» постараются максимально использовать её результаты и для резкого обострения межэтнических и межконфессиональных отношений в России, и для дальнейшей дестабилизации социально-политической ситуации в стране.

Этим провокациям необходимо противопоставить и зрелую реакцию общества (и прежде всего, здоровой части уммы), и продуманную, адекватную и жёсткую политику российской власти.

Эдуард Крюков

Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

Понятно, как этот человек может причаститься вина, слиться с богом-вином. Но как этот человек может быть вырван из страдания природного по воле зачем-то услышавшего его и отдельного от природы бога — понять в принципе невозможно

Андреас Флейшман. Шарлотта Луиза
Антуанетта фон Ленгефельд (1859)

В русской былине «Илья Муромец и Батый Батыевич» рефреном повторяется нечто, весьма напоминающее политическое заклание:

*Не для-ради князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксии,
А для бедных вдов и малый детей!*

В другой русской былине «Илья Муромец и Калин-царь» Илья, уговаривая богатырей дать отпор Калину-царю, говорит:

*А и ради матушки поедем свято-Русь
земли.*

Однажды я по ошибке превратил два этих фрагмента из разных былин в один былинный текст. Произошло это в генеральной прокуратуре СССР, куда я был вызван по делу ГКЧП. Беседовавший со мной работник прекрасно понимал, что я не имею никакого отношения к этому самому ГКЧП. В ходе бесе-

ды он убедился в этом окончательно.

Для того чтобы убедиться в абсолютной непричастности моей к данной очень замысловатой и многомерной затее, нужно было минут десять. Однако работник прокуратуры разговаривал со мной порядка двух часов. После чего предложил сходить вместе пообедать. Шёл октябрь 1991-го. Ельцин ещё не подписал Беловежские соглашения. Горбачёв был де-юре президентом некоего СССР. А работник, который меня допрашивал, был, повторяю, работником не абы какой прокуратуры, а Генеральной прокуратуры всё того же СССР, де-юре руководимого Горбачёвым.

Я согласился отобедать с ним в прокурорской столовой. Взяв поднос, поставил на него котлеты с картофельным пюре, оладьи и чай. Мы сели с ним за не слишком аккуратно вытертый столик. И стали молча поедать далеко

не шикарные прокурорские харчи.

Доедая своё второе, работник прокуратуры спросил меня: «Сергей Ервандович, вижу, что и умный Вы человек, и порядочный, и патриот, и в истории этой с ГКЧП «ни ухом, ни рылом». Одного не могу понять, как Вы, такой умный и порядочный человек, могли поддерживать такую суку, как Горбачёв?»

Что было делать? Спорить с этим работником, совершенно мне не знакомым человеком? Доказывать ему, что я никогда не поддерживал Горбачёва? Что встречался с ним как с президентом СССР один раз, да и то не с целью оказания поддержки, а с целью предъявления некоего политического ультиматума от лица Союза городов-героев (мол, либо Вы примете нашу программу партии и нашу программу спасения страны, либо на съезде большинство проголосует за то, чтобы

Вы перестали быть генеральным секретарём КПСС)?

Разъяснять всё это нужно было долго, а времени у меня не было. У меня не было никаких гарантий, что совершенно незнакомый мне прокурорский работник не осуществляет против меня элементарную провокацию. Промолчав, я доел оладьи и последовал за этим работником в его кабинет. Где мы проговорили ещё час. После чего этот работник меня спросил: «Сергей Ервандович, мне предстоит оформлять Ваши показания. Вы человек не слишком осторожный. Если бы Вы знали, сколько людей хотят Вас подставить тем или иным способом. Поверьте, очень многое будет зависеть от того, как я оформлю Ваши показания. А оформлю я их по-разному в зависимости от того, какой ответ получу на свой основной вопрос».

«Какой вопрос?» — спросил я.

Работник повторил свой вопрос — теперь уже не в столовой, а в своём кабинете. И при этом осуществил то, что в музыке именуют крещендо: «Зачем Вы, Сергей Ервандович, человек умнейший, патриотичнейший, благородный и так далее, поддерживали изменника Родины, иуду, мерзавца и упыря Горбачёва Михаила Сергеевича?»

Я понял, что уклоняться от ответа крайне неумно. Но и давать развёрнутый ответ тоже не следовало. Потому что в развёрнутом ответе сразу прозвучали бы фамилии тех, кто просил меня поговорить с Горбачёвым, и так далее.

Поэтому я ответил, превратив два приведённых выше фрагмента из двух былин — в один текст.

«Былины русские знаешь?» — спросил я

прокурорского работника, почему-то переходя на ты.

«Какие ещё былины?» — удивился он.

«Про Илью Муромца», — сказал я резко и наступательно.

«Ну знаю, — чуть-чуть растерянно ответил он. — А при чём тут эти былины?»

*«Не для-ради князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксии,
А для-ради земли святорусской,
Ради жён, сирот, детей малых», —*

ответил я оторопевшему работнику прокуратуры. И добавил, вплетя в это добавление короткое матерное междометие: «Теперь-то понял, трам-тарарам?»

«Понял», — радостно ответил прокурорский работник. И стал сухо спрашивать: «Знакомы ли Вы близко с кем-нибудь из членов ГКЧП?»

«Конечно, знаком», — ответил я и начал называть имена.

«Извините, Сергей Ервандович, — прервал он моё признание, — близкое знакомство предполагает посещение квартир вышеуказанных людей, проведение с ними досуга, знакомство с членами их семей и так далее. Вы посещали квартиры таких-то и таких-то? Вы знакомы с их жёнами и детьми? Вы проводили с ними досуг?»

«Нет», — ответил я. И вправду, уж чего не было, того не было.

«Ну так, записываем, — сказал прокурорский работник, — ни с кем из членов ГКЧП Вы близко не знакомы».

Используя тот же метод уточняющих разъяснений, он задал мне ещё ряд вопросов. После чего сказал, что показания мои оформлены, попросил расписаться и добавил: «По-

сле того, как я всё понял, Сергей Ервандович, я поступил сообразно своему пониманию. И теперь у Вас всё будет в порядке, несмотря на то, что огромное количество гадов хочет прямо противоположного».

Сказав это, он усмехнулся и добавил: «А меня даже с работы не уволят».

С той поры я очень часто вспоминал текст, сооружённый мною из двух былин по памяти в ту горькую пору.

Вот и сейчас он мне почему-то вспомнился.

Не для-ради филологических открытий занимаюсь я этим исследованием.

Не для-ради философских открытий.

И даже не для-ради политических аллюзий вроде тех, которые я осуществил в предыдущей части исследования. Мол, гётевская презрительная доброжелательность к соци-

альным да и иным низам может претерпевать очень разные метаморфозы. В том числе и такие подлые, как наша перестройка.

Ну может эта самая презрительная доброжелательность превращаться в нечто наисквернейшее. И что с того? Всё на свете может превращаться во всё, что угодно. И в любом случае, ведь не Гёте же виноват в подобных превращениях. Обвинять Гёте в том, что он породил Сванидзе, Латынину, Минкина и так далее, ничуть не менее глупо, чем обвинять Александра Невского в том, что он породил Сталина.

Так что же именно я исследую и ради чего?

Исследую я капитализм, он же бюргерство.

Маркс, исследуя капитализм (на самом деле, конечно же, дух капитализма, о чём он

говорил неоднократно), анализировал определённые понятия и категории. Прежде всего, труд. А также овеществлённый в товарах труд и так далее.

Ленин, исследуя капитализм в России (предлагаю читателю перечитать его блестящую работу «Развитие капитализма в России»), анализировал статистические данные. И опять же именно ради постижения тайны духа этого самого русского, очень специфического капитализма. Кстати, дух этого же капитализма стремился постичь и Маркс. И даже выучил с этой целью русский язык.

Вебер, говоря о том, что он исследует именно дух капитализма (работа его называется «Протестантская этика и дух капитализма»), анализировал не категории и понятия и не статистические данные, а конкретные радикальные пуританские секты. И опять же в

основе его исследований лежало раскрытие природы труда. Только Вебера интересовал не тот овеществлённый в товарах труд, на котором сфокусировал своё внимание Маркс, назвав этот труд стоимостью, а труд, превращённый в средство спасения, средство восстановления связи с богом и так далее.

Что же касается меня, то я в этой работе, ещё раз подчеркнув своё восхищение и перед Марксом, и перед Лениным, и перед Вебером, пытаюсь исследовать капитализм не понятийно и категориально, как Маркс, не калькуляционно, как Ленин, и не религиоведчески, как Вебер, а философски-филологически. И исследую я, конечно, дух капитализма. Но разве можно так исследовать столь фундаментальную сущность, как капитализм?

Я убеждён, что можно. Только вот филология для этого должна быть и философской,

и сообразной фундаментальности капитализма. И что же может быть более философским и фундаментальным, чем творчество Гёте? А значит, филологическое исследование этого творчества может, если, конечно, оно будет одновременно ещё и социальным, а также философским исследованием, что-то сказать о капитализме. Точнее, о духе капитализма. А также об ином, очень тесно сопряжённом с капитализмом, духе.

Я имею в виду дух Просвещения, он же дух так называемого проекта Модерн.

Я много раз уже говорил о том, что нет духа капитализма (буржуазии, бюргерства и так далее) вне этого самого проекта Модерн, часто именуемого проектом Просвещение.

И что вне своего духа капитализм либо становится абсолютно бездуховным (этакой тушей, состоящей из тех или иных опера-

ций с деньгами), либо начинает сращиваться с иным духом, который, в отличие от духа Просвещения или духа Модерна, уже начисто лишён исследуемой нами гуманистичности.

Вновь настаиваю на том, что повторение — мать учения, и рекомендую сомневающимся перечитать мои обоснования данного утверждения, изложенные в №56. Следуя своей убеждённости в том, что это именно так, сообщаю читателю, что в работе «Исав и Иаков» я уже примеривался к той теме, которую сейчас разрабатываю. Вот, мол, и Гёте связывает воедино дух бюргерства и цвет Просвещения, заявляя: *«Цвет Просвещения — разве он Не духом бюргерства рождён?»*

Теперь я сообщаю читателю, что взаимосвязь между духом бюргерства и цветом Просвещения, о наличии которой поведал миру Гёте, привлекала пристальное внимание То-

маса Манна, который привёл эти фразы Гёте в своей относительно ранней (датируемой 1932 годом) статье «Гёте как представитель бюргерской эпохи».

Эту статью я уже достаточно подробно разбирал в данном исследовании.

Сейчас ещё раз обращаю внимание читателя на само название статьи. Не правда ли, это название в каком-то смысле загадочно? В самом деле, если бы так называлась статья какого-нибудь советского соцреалиста — загадки бы не было. Евгений Онегин как представитель городского российского дворянства... Татьяна Ларина как представитель сельского российского дворянства... Такой-то как представитель пролетариата... Такой-то как представитель буржуазии...

Но Томас Манн не имеет никакого отноше-

ния к этой традиции, часто называемой социологической или соцреалистической. Традиции, согласно которой любого писателя надо рассматривать как представителя такого-то класса, как выразителя интересов такого-то класса и так далее. Томас Манн не просто не имеет никакого отношения к этой традиции, он ей глубочайшим образом чужд. И всё же в 1932 году он пишет статью «Гёте как представитель бюргерской эпохи».

Он анализирует то, мною уже приведённое высказывание Гёте, согласно которому цвет Просвещения рождён духом бюргерства. Он настаивает на том, что это высказывание крайне актуально, что оно имеет *«более глубокий смысл, нежели тот, который присущ столь старомодно звучащему в наши дни слову «просвещение».*

Заявив, что он на этом настаивает, То-

мас Манн далее пишет: «Я спрашивал и спрашиваю ещё раз, чем рождены великие освободительные подвиги раскрепощения духа, если не бюргерством? Воля и призвание к высшему акту дебюргеризации, к крайне опасным авантюрам дерзавшей мысли — вот та отпускная грамота, которую сам дух вручает бюргеру».

Тем самым Манн утверждает, что дух бюргерства — это дух самоотрицания, не так ли? Но только ли самоотрицания? Манн пишет:

«А вот сын и внук протестантского священства, в котором романтика ХІХ века преодолела самое себя и чья жертвенная смерть на костре мысли положила начало несказанно новому, сам Фридрих Ницше — куда же уходят его корни, если не в почву бюргерского гуманиз-

ма. . . »

Вновь и вновь возвращаясь к вопросу о связи ницшеанского антигуманистического антибюргерства с сутью бюргерства, Манн далее говорит и о том, как именно Гёте связан с Ницше. Подобного рода связи нельзя рассматривать по принципу «связь первого со вторым, а второго с третьим означает связь первого с третьим».

Нелепо и пошло утверждать, что раз Гёте связан с Ницше, а Ницше с Гитлером, то Гёте связан с Гитлером. Следует с порога отметать такие пошлые умозаключения, обожаемые доморощенными конспирологами. Но если квинтэссенцией капитализма является бюргерство, а квинтэссенцией духа бюргерства является творчество Гёте, то нельзя ли, исследуя это творчество, понять что-то новое и важное по поводу капитализма как такового

Если метод Вебера, согласно которому раскрыть суть капитализма можно, исследуя радикальные пуританские секты, признаётся корректным, — то как можно признать некорректным метод, согласно которому суть капитализма можно понять, исследуя творчество ярчайшего представителя этого самого капитализма, каковым является Гёте?

Работа Томаса Манна «Гёте как представитель бюргерской эпохи» написана перед приходом Гитлера к власти. В этой работе Манн ещё не рискует обсуждать предельные вопросы, вытекающие из фундаментальной гипотезы, согласно которой феномен Гёте и дух капитализма (бюргерства) находятся в очень глубокой и неслучайной связи.

А вот в своей работе «Фантазия о Гёте», написанной уже после разгрома гитлеризма

(в 1948 году), Манн идёт на риск. И начинает обсуждать именно предельные вопросы. Те самые, которые я обычно называю метафизическими.

Он делает это очень осторожно. Во-первых, потому что и впрямь боготворит Гёте. И, во-вторых, потому что, будучи глубоко немецким художником, не хочет иметь ничего общего с банальной денацификацией, являющейся, по сути, дегерманизацией. То есть уничтожением ядра немецкой культуры.

Тем, кто атакует это ядро, ничего не стоит провести параллель между Гёте и Гитлером. И именно поэтому Манн особо дистанцируется от таких пошлых и скверных политтехнологических параллелей.

Манн действует невероятно аккуратно, прикасаясь к тому предельному, что связано с темой «Гёте и дух капитализма». Ещё раз

обратив внимание читателя на то, что тема Гёте и дух капитализма ничуть не менее корректна, чем тема «Дух капитализма и протестантская этика», я перехожу к рассмотрению того, как именно Манн, опасаясь любой грубости, прикасается в 1948 году в тому, что можно назвать предельными основаниями, раскрывающими связь феномена Гёте с духом капитализма.

Шарлотта Луиза Антуанетта фон Ленгфельд — супруга гениального немецкого писателя и поэта Фридриха Шиллера. Связь между Шиллером и Гёте могла бы стать темой отдельного исследования.

Шиллер и Гёте были не просто знакомы, а очень и очень близки. Относясь с презрением даже к очень знаменитым современникам, Гёте никого из современников никогда не ставил выше себя. Кроме Шиллера. Гёте очень

уважал величайших учёных своего времени. Таких, как Гумбольдт. Но учёный — это учёный. Уважая Гумбольдта, Гёте одновременно тонко улыбался. Мол, ты-то только учёный, хоть и великий. А я — и великий учёный (написавший, например, «Трактат о цвете»), и великий писатель, и великий поэт. А тебе слабо!

Конечно же, Гёте выше всего ставил именно свой поэтический дар. Возможно, он испытывал лёгкий дискомфорт, сопоставляя свой поэтический дар с даром Шекспира. Но Шекспир не был ни его современником, ни немцем. А Шиллер был и современником, и немцем. И философом. И писателем. И поэтом, которого Гёте считал обладателем более могучего дара, нежели его собственный поэтический дар.

Это ощущение было для Гёте невыносимо.

Преодоление невыносимости осуществлялось по-разному. В том числе и с помощью разнообразных попыток Гёте так или иначе уни- зить Шиллера.

Но все эти тонкости, порою весьма ядови- тые и болезненные, не опровергают главно- го — глубины и мощи отношений между Гё- те и Шиллером. При этом Шиллер постоянно окорачивал себя, давая оценки Гёте. А ну как кто-то подумает, что он завидует славе Гёте... Или его карьерным успехам...

Но если Шиллер постоянно себя окорачи- вал подобным образом, то супруга Шилле- ра, урождённая Шарлотта Луиза Антуанет- та фон Ленгефельд, известная как Шарлот- та Шиллер, была, если можно так вырази- ться, свободна от комплексов своего супруга. Это не значит, что она позволила себе хоть одно оскорбляющее Гёте высказывание. Тем

более что дружила она не только с Гёте, но и с возлюбленной Гёте, знаменитой Шарлоттой фон Штейн. Женщиной, сыгравшей большую роль в творческой судьбе Гёте. Имея основания для того, чтобы давать Гёте далеко не только позитивную оценку, Шарлотта фон Штейн ни разу не позволила себе ничего подобного. Это была очень умная, тонкая, глубокая женщина. Всё то же самое можно сказать и о её подруге Шарлотте Шиллер.

Переписка Шарлотты Шиллер со своим гениальным мужем Фридрихом Шиллером неопровержимо свидетельствует о глубине и силе мышления супруги Шиллера. Кстати, Шиллер, которого трудно подозревать в завышении интеллектуальной оценки супруги, говорит и о художественной одарённости Шарлотты Шиллер, и о незаурядности её интеллекта.

Почему я сообщаю читателю все эти исторические детали?

Во-первых, потому что читателю они не должны быть известны. В самом деле, кого сейчас интересует Шарлотта Шиллер?

Во-вторых, потому что эти детали, безусловно, были известны тем, кто зачитывался исследованиями Томаса Манна вообще и его исследованиями о Гёте в особенности.

В-третьих, потому что Томасу Манну в 1948 году крайне важно сослаться при прикосновении к предельным вопросам, касающимся личности и творчества Гёте, на какой-то безусловный авторитет. Каковым для него (равно как и для его читателей) является Шарлотта Шиллер. Манн, ссылаясь на Шарлотту Шиллер, как бы говорит читателю: «Ну уж она-то знала Гёте как никто! Была умна и глубока! А также непредвзята. И

если она говорит то, что я сейчас процитирую, то это, согласитесь, совсем не то же самое, нежели сходные и даже более резкие заявления в устах каких-нибудь философов-денацификаторов».

Так какое же высказывание Шарлотты Шиллер цитирует Манн, начиная в 1948 году разговор именно о предельных основаниях, позволяющих раскрыть связь феномена Гёте с духом капитализма? Манн цитирует невероятно глубокое суждение Шарлотты Шиллер о Гёте.

«Он (то есть Гёте — С.К.) сделал ставку на ничто», — говорит Шарлотта Шиллер. Гёте, сделавший ставку на ничто — вот тот Гёте, которого Томас Манн обсуждает в своём позднем исследовании.

Но ведь ставка на ничто ни для кого не может быть мелкой ставкой, одной из ставок

или даже одной из крупных ставок в ряду прочих. Это ставка может быть только предельной ставкой, не правда ли?

Проще всего осуществить интеллектуальный блицкриг. Ухватиться за фразу Шарлотты Шиллер... Придать этой фразе значение окончательного вердикта (мол, если такой авторитет сказал, что Гёте сделал ставку на ничто, значит, он сделал эту ставку и точка)... А дальше — даёшь блицкриг! — начать рассуждать по поводу того, что есть нечто и ничто. Что если нечто — это сотворённое бытие, то ничто — это небытие. А как можно сделать ставку на небытие? Да ещё при том, что эта ставка совсем не чужда духу Мефистофеля? Ну, а раз так, то Гёте сделал ставку на ту тьму, которая как раз и находится по ту сторону бытия. А поскольку Гёте не просто представитель бюргерства, то есть капитализма, а

наиболее яркий выразитель духа бюргерства — то есть духа капитализма! — то дух капитализма и есть тьма, она же ничто, она же сила тёмная, она же фашизм.

Я даже не утверждаю, что результат, полученный с помощью такого интеллектуального блицкрига, бесконечно далёк от правды.

Может быть (сценарий №1), этот результат и есть искомая правда.

Может быть (сценарий №2), этот результат хотя и далёк от правды, но находится от неё не на бесконечном расстоянии.

А может быть (сценарий №3), этот результат и впрямь бесконечно далёк от правды. То есть не имеет к ней ни малейшего отношения.

Прежде всего я хочу оговорить другое. То, что нельзя получать подобные результаты с помощью описанного мною выше блицкрига. Да и описал-то я этот блицкриг не без иро-

нии. Надеюсь, читатель понял это раньше, чем прочитал эту мою оценку собственных блиц-рассуждений.

Мало ли что сказала Шарлотта Шиллер! Почему надо доверять её оценкам, а не творчеству Гёте?

Мало ли что она имела в виду, говоря о том, что Гёте сделал ставку на ничто! Что она понимает под ничто? Под сделанной на него ставкой?

И наконец, как можно выносить вердикты на основе столь лаконичного утверждения? Поэтому давайте для начала вчитаемся в гораздо более развёрнутые оценки, даваемые Гёте Томасом Манном. Который в Гёте влюблён. Для которого творчество Гёте — это открытая книга, притом книга, по многу раз перечитываемая. Манн не современник Гёте. Он никоим образом не вовлечён, в отличие

от Шарлотты Шиллер, в сложные отношения между Гёте и Шиллером. И наконец, оценки Томаса Манна — развёрнутые и не лишённые рассудительности — можно вдумчиво сопоставить с текстами великого Гёте. Вот одна из таких оценок:

«Он (имеется в виду Гёте — С.К.) любимец и баловень великой матери, праматери-природы. К ней он тянется, в неё верит, к ней исполнен благодарности. Отсюда для него радостное приятие философии Спинозы, которую он с любовью впитал ещё в юности и верность которой сохранил до могилы».

Особое отношение Гёте к природе, о котором говорит Томас Манн... Оно не может вызывать сомнения ни у кого, кто внимательно читал произведения Гёте. Да, действительно, герои Гёте, и прежде всего его

Фауст, страдая, совершая ошибки, а порой и преступления, всё время получают исцеление от матери-природы. Об этом у Гёте говорится так часто, что впору сказать мне, что я ломлюсь в открытую дверь. Однако дверь эта на самом деле ну уж никак не распахнута, а в лучшем случае приоткрыта. Подчёркиваю, в лучшем случае. Мы убеждаемся в этом, проверяя утверждение Манна об особом отношении Гёте к философии Спинозы.

Согласно учению Спинозы, всё сущее черпает своё начало в некоей субстанции, которая есть то, что *«существует само по себе и представляется само через себя»*.

Для Спинозы нет принципиального различия между этой самой субстанцией, природой, богом и духом. Для Спинозы важно отсутствие у этого начала таких качеств, как ум или воля. *«В природе бога, — заявляет он, —*

не имеют место ни ум, ни воля». Согласитесь, такой бог весьма далёк от личностного бога в его традиционном понимании.

Сам Гёте утверждал, что Спиноза входил в число трёх личностей, оказавших наисильнейшее влияние на его жизнь и на его творчество. Другие две личности — Вильям Шекспир и Карл Линней. Известно также, что Спиноза оказал большое влияние на мировоззрение Альберта Эйнштейна. Это явствует хотя бы из телеграммы, которую Эйнштейн послал раввину нью-йоркской синагоги Герберту Гольдштейну. В телеграмме говорится: «Я верю в бога Спинозы, который проявляет себя в упорядоченной гармонии всего сущего, но не в бога, который интересуется судьбами и поступками человеческих существ».

Казалось бы, такое утверждение Эйнштейна противоречит гётевскому «Фаусту».

Ибо в гетевском «Фаусте» бог напрямую говорит о своём интересе к одному из человеческих существ — доктору Фаусту. И посылает Мефистофеля для того, чтобы испытать Фауста. Что однозначно говорит об интересе бога к судьбе и поступкам данного человеческого существа.

Но распространяется ли этот интерес бога на все человеческие существа? И как очевидная безличность бога Спинозы может сочетаться с тем, что поклонник Спинозы Гёте описывает в своём «Фаусте» бога предельно личностного? Ведь и описание этого бога, и особое преклонение Гёте перед Спинозой является несомненными фактами.

Кстати, как соотносится вера Эйнштейна в безличностного бога Спинозы с утверждением Эйнштейна о том, что бог не играет в кости? Играть и не играть в кости может только

личностный бог.

Но вернёмся к роли Спинозы в творчестве Гёте.

И дадим слово А. В. Луначарскому, который в своей работе «От Спинозы до Маркса» справедливо заявил: *«Спинозе, хотя и поздно, но в высокой степени повезло насчёт учеников. Ими были Лессинг, Гердер и Гёте».*

Обратим внимание читателя на то, что Гёте, включённый Луначарским в число трёх великих учеников Спинозы, начал впервые знакомиться с работами Спинозы зимой 1784/1785 годов, то есть в возрасте 35 лет (Гёте родился во Франкфурте 28 августа 1749 года). Своим первым знакомством со Спинозой Гёте обязан уже известной нам Шарлотте фон Штейн, этой подруге супруги Шиллера, сказавшей о том, что Гёте сделал ставку на

ничто.

Другим человеком, сильно повлиявшим на интерес Гёте к Спинозе, был упоминаемый Луначарским Йоганн Готфрид Гердер, учитель Гёте. Гердер — один из теоретиков «Бури и натиска», крупный философ, проповедовавший национальную самобытность искусства, настаивавший на историческом своеобразии и равноценности различных эпох (в противовес теории, согласно которой каждая следующая историческая эпоха более совершенна, чем предыдущая). Гердер много занимался немецким фольклором. Этот ученик Канта, преподававший в церковной рижской школе и переехавший потом по приглашению Гёте в Веймар, являлся не только крупным знатоком фольклора, но и создателем оригинальной теории языка, создателем учения о «духе народа» и так далее.

Свою верность учению Спинозы Гердер развёрнуто выразил в своём трактате «Бог», опубликованном в 1787 году. Этот трактат позволяет утверждать, что Гердер был даже не обычным, а радикальным сторонником учения Спинозы.

Обратив внимание читателя на то, что двое из троих великих учеников Спинозы (Гердер и Гёте) не просто были хорошо знакомы, а находились в ближайших дружеских отношениях, развивали вместе определённый круг идей, что при этом Гердер был учителем Гёте, мы возвращаемся к знакомству с представлениями Луначарского о пантеизме вообще и учении Спинозы в частности.

Обратив внимание читателя на выражение Спинозы «*deus sive natura*», что означает «Бог или, что то же самое, природа», Луначарский далее отказывается обсуждать пан-

теизм Спинозы вне обсуждения доспинозовской истории пантеизма. И выделяет в этой истории два ключевых момента.

Первый — суфийский. Обсуждая этот момент, Луначарский приводит высказывание Ибн аль-Фарида, который так воспекает своё пантеистическое божество, именуя его вином:

«Если бы пируя ты взглянул на печать сосуда, даже не попробовав вина, ты был бы упоён. Ороси им прах могилы — тело воскреснет и душа вернётся; положи больного под тень лозы — он исцелится. Когда аромат его плывёт по Востоку — потерявшие обоняние на Западе спрашивают в восторге, что это мы чувствуем? Погрузи руку в это вино, и ты не собьёшься с дороги среди тёмной ночи, ибо рука твоя будет сиять, как звезда... Мне скажут: опиши нам это вино, ты

знаешь его качества! Я отвечаю: да, мне известны его свойства. Оно чисто, чище, нежели вода; оно усладительно, отраднее, чем воздух; оно — свет, блистающий ярче, нежели грубый огонь; оно — дух, но не тот дух, что заключён в грубом теле. Повесть о нём искони предшествовала всему существующему, когда там, в вечности, ещё не было ни форм, ни следов чего-либо; там, посредством его, возникли все вещи вследствие божественной премудрости. Возлюбил его мой дух до такой степени, что и дух мой и вино смешались, слились воедино, но не как тело, в которое проникает другое тело... Пьянея от него, ты увидишь, как судьба будет твоим послушным рабом в течение этой часовой жизни, и от тебя будут зависеть приговоры над ней. Нет веселья в

мире тому, кто живёт трезво; тот лишён твёрдого рассудка, кто не умирает в опьянении от вина, и пусть оплакивает свою душу тот, чья жизнь промчалась и кому нет в этом напитке ни доли, ни части!»

Итак, для Луначарского, который, как мне представляется, один из лучших знатоков пантеизма вообще и Спинозианства в частности, священное вино Омара ибн Фарида — это и есть субстанция Спинозы, она же «*deus sive natura*» (Бог или, что то же самое, природа) и так далее.

Вот что пишет Луначарский об этом вине:
«Таинственное вино ибн-Фарезда — это божество, во всём и всюду разлитое, живущее так же и в груди человека. Оно не отождествляется с миром и человеком. Оно животворящая душа

того и другого. Чувствовать своё единство с этой душой, расплываться и таять в ней, терять свою личность во всеобщем — вот наслаждение пантеиста. Вот религиозный исход из конфликта духа (жаждущего гармонии и блаженства) — с грубой действительностью. Тернии жизненной дороги объявляются иллюзией. Житейская трезвость — нелепым сном. Опьянение экстазом любви ко Всебogu — истинным постижением реальности».

Загадочная короткая фраза Шарлотты Шиллер о том, что Гёте сделал ставку на ничто... Эта фраза, согласитесь, должна быть тщательно проверена на соответствие тому безусловному, что для нас важнее всего. А этим безусловным является, конечно же, само творчество великого Гёте.

А вот тот развёрнутый отрывок из Ибн аль-Фарида, который приводит Луначарский... Этот отрывок, как ни странно, сопоставить с творчеством Гёте намного проще. Да, для Гёте как творца, как создателя замечательных произведений, потрясающих нас и поныне своей глубиной и подлинностью, огромное значение имеет некая разлитая в природе сущность, очень похожая на вино Ибн аль-Фарида. Читал ли Гёте Ибн аль-Фарида — отдельный вопрос. Но налицо нечто гораздо более существенное, нежели «знакомство Гёте с творчеством Ибн аль-Фарида». Налицо глубочайшее созвучие творчества Гёте и творчества Ибн аль-Фарида. И ощущая это созвучие, мы не можем не признать высокой правдоподобности того, что имя этому созвучию — пантеизм. Он же — «*deus sive natura*» (Бог или, что то же самое,

Добыв из чтения Луначарского этот немаловажный результат и выйдя тем самым за рамки описанного мною выше интеллектуального блицкрига, предполагающего быстрый переход от фразы Шарлотты Шиллер к далеко идущим определениям «тёмных корней» творчества Гёте, продолжим внимательное чтение Луначарского.

Обсудив творчество Ибн аль-Фарида (это-го крупнейшего поэта-суфия, родившегося в 1181 году и умершего в 1234 году) в качестве первого ключевого момента, вне знакомства с которым нельзя понять пантеизм Спинозы, Луначарский переходит ко второму такому же моменту. Каковым, по его мнению, является творчество Аверроэса, Абу-л-Валида Мухаммеда ибн Ахмеда ибн Рушда, арабского учёного, медика, философа, одного из вид-

нейших представителей аристотелизма (иначе называемого перипатетизмом). Ибн Рушд (Аверроэс) — почти современник Ибн аль-Фарида (он родился в 1126-м и умер в 1198 году).

Вот что пишет по его поводу Луначарский, стремясь проследить философскую траекторию, ведущую от него и Ибн аль-Фарида к Спинозе:

«Аверроэс, этот роскошный осенний плод арабской культуры, труды которого суть её завещание нам, толковал Аристотеля именно в суфитском духе. И толкование это возымело огромное влияние в эпоху Возрождения. Мир — соединение бога и материи. Сама по себе материя абсолютно косна. Это инертная возможность. То, что движет ею, придаёт ей разнообразие, живит её — это

бог. Он как бы неравномерно распределён во всей природе. Мы не знаем абсолютной материи, всюду видим движение, всюду бог. Но чем сложнее, разнообразнее, целостнее, свободнее данное явление — тем больше в нём бога. Ослепительно и свободно сияет он во всей чистоте своей, как духовное средоточие мира, миром правящий всеразум, всеистина. Человеческий разум, познающая истину часть души нашей — это отражение великого солнца истины. Свет, в нас живущий, вполне единосущный свету объективному. Сияет бог-солнце и в разной мере проникают лучи его в тёмные уголки — людские организмы: они-то могут умереть, но свет их освещавший, остаётся вечно. То, что разумно в нас — часть бога, у всех оно едино. Эту теорию позднее на-

зывали монопсихизмом. Здесь религиозное наслаждение приобретает более интеллектуальный характер: пункт, в котором душа прикасается богу, не тёмный инстинкт, а светлый разум. Это любовь, но не в смутном экстазе инстинкта, а в познании. Это *amor dei*, но *amor dei intellectualis* (умственная любовь к Богу)».

Разобрав эти два момента, Луначарский перепрыгивает из Средневековья в Новое время. И справедливо говорит о том, что индустриальные потребности этого самого Нового времени потребовали выявления объективных механических закономерностей. И что, будучи выявленными, эти закономерности посмотрели в лицо человеку и спросили его: «А ты-то кто такой? Если всё подчинено неумолимым закономерностям, и природа

является гигантским механизмом, то ведь и ты часть этого механизма, не правда ли? Ты лишь ничтожный винтик в этой огромной машине».

Взроптавший человек начал говорить о том, что он обладает волей, мыслью, духом. А природа, превращённая человеком в механизм, отвечает тому, кто с ней сотворил подобное: «Ну и что он может, твой дух? Он песчинки передвинуть не в состоянии. Для каждого движения твоего нужно механическое усилие, механическое основание, так сказать. И где тут место твоему духу?»

Переходя от жившего в Средние века Аверроэса к гениальному мыслителю Нового времени Рене Декарту (родившемуся в 1596 году и умершему в 1650 году), Луначарский пишет: *«Но Декарт попятился от ужасного лица новой истины, и оставил во-*

прос открытым».

Но поди-ка надолго оставь открытым такой вопрос, не сойдя с ума.

Вот как характеризует Луначарский эту невозможность для человека оставить открытым надолго подобный слишком большой вопрос:

«Человек подошёл вплотную к природе, он сорвал покрывало с головы Изиды, он увидел, что лицо её — закономерность. И он обрадовался: «Ты закономерна, я найду ключ к твоей тайне и овладею тобой». И богиня ответила железным голосом:

«Ты всегда раб мой, моя закономерность царит и над тобой. Ты сказал мне: ты машина! и я эхом ответила тебе: ты машина. Нет целей, нет идеалов при свете истины, есть только причины, есть только прошлое, которому навеки порабо-

щено настоящее и будущее; нет свободы!»

Далее Луначарский спрашивает читателя:
*«Куда же было бежать человеку от ка-
менного лица разоблачённой тайны?»*

Луначарский очень кратко описывает попытку Николя Мальбранша (1638–1715), французского философа, переосмыслившего учение Декарта, преодолеть по-своему пропасть между механистичностью мира и человеческой свободой.

Мальбранш, считает Луначарский, согласился с Декартом в том, что *«человеческий дух бессилён сдвинуть пылинку»*.

Но при этом Мальбранш, в отличие от Декарта, противопоставил бессилию этого человеческого духа могущество духа иного, божьего.

«... Но не то дух божий (считает Мальбранш); он — создатель духа нашего по

образу и подобию своему, как некий волшебник, мощён и над материей. Дух твой хочет поднять руку и, конечно, не мог бы этого, но бог, услышав желание духа твоего, подымает твою руку».

Итак, зияющая пустота контраста между неумолимо закономерной природой и абсолютно бессильным чуждым ей духом человеческим должна быть, по Мальбраншу, заполнена упованием «на помощь другого духа, нам родного и всемогущего».

Констатируя это, Луначарский далее спрашивает:

«Но можно ли было удовлетвориться тем смехотворно-неуклюжим мостом между волей человека и механизмом природы, каким являлся бог Мальбранша?»

Переходя к Спинозе и называя его одним из величайших гениев всех времён, Луначар-

ский констатирует, что учение Спинозы разбивает христианское проклятие, тяготеющее над природой. О каком христианском проклятии идёт речь? И идёт ли речь только о христианском проклятии? Или же природа была проклята (то есть, противопоставлена человеку, этому создателю культуры как антитезы природы) ещё задолго до христианства?

Луначарский пишет о родстве между учением Спинозы и представлениями Маймонида, иудейского философа, родившегося в 1135 году и умершего в 1204-м. Маймонид (Моше бен Маймон) высоко ценил Аристотеля, труды которого читал в арабском переводе. И стремился согласовать еврейское вероучение с аристотелизмом. Методологически сходные усилия осуществлял Филон Александрийский (конец I века до н. э. — начало I века н. э.), стремившийся за тысячелетие до Май-

монида согласовать еврейское вероучение с учением Платона.

Пишет Луначарский и о пантеистах каббалы. Чей пантеизм, по его мнению, в чём-то тоже созвучен пантеизму Спинозы.

Пишет он и о родстве умонастроений Спинозы с «настроениями великих еврейских поэтов, создавших псалтырь». Но именно анализ родства этих двух умонастроений раскрывает всю далёкость пантеизма Спинозы от того — отнюдь не только христианского — начала, в котором, по Луначарскому, содержится проклятие природе.

Итак, Луначарский вначале обильно цитирует псалтырь, дабы показать, сколь родственны его настроения настроениям Спинозы. Приведём дословно ту цитату, которую приводит Луначарский:

«Блажен муж, коего воля в законе

*Господа, кто о законе Его размышляет
день и ночь. Возлюблю Тебя, Господи, креп-
пость моя! Господь — твердыня моя и
прибежище моё, Избавитель мой, Бог
мой — скала моя; на Него я уповаю; щит
мой, рог спасения моего и убежище моё.
Призову достопоклоняемого Господа и от
врагов моих спасусь. Объяли меня муки
смертные, и потоки беззакония устраши-
ли меня; цепи ада облегли меня, и сети
смерти опутали меня. В тесноте своей я
призвал Господа и к Богу моему воззвал».*

Приведя эту цитату, Луначарский далее констатирует, что Господь, к которому так воззвал его почитатель, активно вмешивается в судьбу молящегося. И называет описание этого вмешательства «одной из грандиознейших картин мировой поэзии».

Вот какова эта картина:

«Потряслась и всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основания гор, ибо разгневался Бог; поднялся дым от гнева Его, и из уст Его огонь поядоущий; горячие угли сыпались от Него. Наклонил Он небеса и сошёл, — и мрак под ногами Его. И воссел на херувимов и полетел, и понёсся на крыльях ветра. И мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных. От блистания перед Ним бежали облака Его. Открылись основания вселенной от грозного гласа Твоего, Господи, от дуновения духа гнева Твоего. Он простёр руку с высоты и взял меня, и извлёк меня из вод многих».

Далее Луначарский совершенно справедливо обращается к читателю и говорит:

«Но вдумайтесь: этот гневный бог, наклоняющий небо и производящий

столько шума для того, чтобы выручить из беды какое-то крошечное твореньице на маленькой земле!»

Что ж, мы с радостью откликаемся на призыв Луначарского и вдумываемся. Вдумавшись, понимаем, что нет ничего общего между богом Спинозы (которому все эти беды отдельного крохотного творения, взывающего к нему, фундаментальнейшим образом по барабану) и тем Богом, который, как говорит Луначарский, произвёл столько шума из-за крошечного твореньица на маленькой земле. Что избавление природы от проклятия, которое, по Луначарскому, носит христианский (а на самом деле общемонотеистический) характер, — равносильно проклятию крошечного твореньица на маленькой земле. То есть проклятию человека.

Избавили от проклятия природу с помо-

щью пантеизма? Ну те-с, умаляйте сразу человека. Называйте его крошечным твореньцем на маленькой земле. Недоумевайте, как это может бог-природа (бог-вино и так далее) обеспокоиться вдруг каким-то отдельным крошечным человеком. То есть понятно, как этот человек может причаститься вина, слиться с богом-вином. Но как этот человек может быть вырван из страдания природного по воле зачем-то услышавшего его и отдельного от природы бога — понять в принципе невозможно.

Что же говорит по этому поводу Луначарский? А вот что. Назвав этот поступок бога, зачем-то внявшего мольбам отдельного человека, Луначарский спрашивает читателя:

«...не убого ли это (то бишь такой поступок Бога — С.К.), перед лицом бога Спинозы вездесущего, всеобъемлюще-

го, всё предусмотревшего, телом которому служит бесконечное пространство, душою — бесконечная мысль?»

Нет, не убого. Никоим образом не убого. Или, если хотите, в этом убожестве величие монотеизма, вырвавшего отдельное ничтожное существо из природы и этим бесконечно возвеличившее это существо, переставшее быть ничтожным. Между прочим, такое возвеличивание прежде ничтожного существа породило историю. Не было бы такого возвеличивания — не было бы истории. И человека как существа исторического — личностного, возвеличенного над природой и в чём-то даже противопоставленного ей — тоже не было бы.

(Продолжение следует)

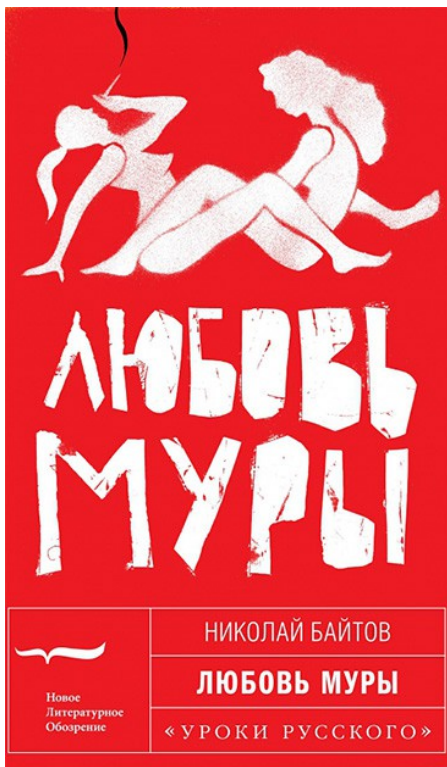
Сергей Кургинян

Культурная война

Слом идентичности

— 3

Раз уж платоническая любовь между женщинами — это хорошо, а советские бабочки — плохо, то детям расскажут, что папа и мама могут быть одного пола и не называться папой и мамой, а нумероваться...

Николай Байтов. Любовь Муры

Глава Фонда Прохорова Ирина Прохорова всячески подчёркивает, что для российского общества начинается новый этап жизни, его ждут большие перемены. Комментируя прошедший в начале декабря 2013 года в Москве фестиваль современного неигрового кино «Артдокфест», членом жюри которого она являлась, Прохорова отмечает: *«У меня ощущение, что мы вступили в какую-то фазу... ну, все аналогии хромают. Но в каком-то смысле сопоставимую с ситуацией конца оттепели, когда большое, новое знание поступило в общество и общество начинает переформулировать систему этических и эстетических ценностей»*.

«Артдокфест» запомнился главным образом благодаря показу двух фильмов, снятых в пику сочинской Олимпиаде. В фильме

«Комната моей мамы» речь идёт о женщине, оставшейся в результате строительства федеральной трассы без дома, а в фильме «Путинские игры» — о разворовывании выделенных на игры бюджетных средств. Но для Ирины Прохоровой такая шпилька, вставленная власти, — проходное событие.

Главным её детищем и центром приложения сил является издательство «Новое литературное обозрение» (НЛО) и всё, что связано с издательской работой. Прохорова подчёркивает, что занимается издательской деятельностью 20 лет и осознает значение и важность этой деятельности: *«Я всегда считала, что издательство моё больше, чем издательство. Это в некотором смысле вольный университет, это площадка социальных дебатов, которая делает важнейшее фундаментальное дело...»*

Прохорова также подчёркивает, что занятие издательской деятельностью — это занятие такой важной сферой, как культура. *«А что мы без культуры? — спрашивает она. — Культура — это же система ценностей в том числе. Она имеет широкое значение. Недаром во всех авторитарных режимах борются именно с деятелями культуры. Потому что они есть основа любого общества, особенно светского общества».*

Зафиксировав, что мы тоже понимаем, что культура задаёт систему ценностей, разберём далее, какую именно «систему ценностей» навязывает российскому обществу возглавляемое Прохоровой издательство НЛО. Именно навязывает, хотя сама глава издательства разными способами пытается доказать, что в обществе исподволь зреет за-

прос на некий «новый тренд», на перемены. Так, комментируя выходящую в её издательстве книжную серию под названием «Письма русского путешественника», Прохорова отмечает, что *«жанр путешествий довольно старый, но он возникает на разломе времён, когда мир меняется, становится другим... Я затеяла эту серию несколько лет назад... мне стали приходить одни тексты за другими. И я поняла, что формируется новый тренд»*.

Так о каком «новом тренде», о какой новой «системе этических и эстетических ценностей» всё время идёт речь?

«Тренды» и «ценности» не возникают из воздуха. Их так или иначе создают. А Фонд Прохорова и издательство НЛО прямо занимаются созданием и внедрением ценностей. И тут надо привести несколько цитат, фик-

сирующих, как выстроена шкала ценностей Ирины Прохорова в сфере, которой она занята непосредственно — как она оценивает русскую, советскую и российскую литературу. По мнению Ирины Прохоровой, «... в советское время было мало качественной литературы. Вся эта идеологическая ерунда, которая лежала на прилавках, была никому не нужна, её никто не покупал».

В то же время она признаёт, что в СССР считалось, что «массовая литература, по типу детективов и фэнтези — это вещь плохая, а нужна только «высокохудожественная» литература. Поэтому даже невинные детективы и те выпускались маленькими тиражами... А люди потом их зачитывали до дыр».

То есть теперь, согласно критериям Ирины Прохоровой, мы отошли от ужасной со-

ветской традиции и приблизились к «идеалу». Классическую русскую литературу (видимо, она имеется в виду под «высокохудожественной»?) издают и читают гораздо меньше, а рынок переполнен низкокачественными детективами. Теперь такую литературу не нужно зачитывать до дыр и передавать из рук в руки — она находится в свободном доступе и в избытке. Являются ли эти достижения окончательным воплощением идеала Ирины Прохоровой? Нет. Для полного счастья Прохоровой не хватает литературы, которая в советское время не печаталась из-за цензурных соображений.

Давайте ещё раз зафиксируем картину советской литературной жизни, как она видится Прохоровой: слишком уж она нетривиальна.

Итак, большинство издававшейся в СССР

литературы было «порождением чудовищного советского идеологического искусства»... Настоящая литература не проходила цензуру и стала печататься только в 90-е годы XX века. Именно в 90-е годы произошёл «необычайный расцвет». «Выдающиеся современные писатели — а в особенности поэты — в основном и начинали во время этого ренессанса», — говорит И. Прохорова.

Чтобы же это за выдающиеся современные писатели?

В качестве примера Ирина Прохорова приводит Владимира Сорокина. Даже читатель, не знакомый близко с творчеством Владимира Сорокина, наверняка слышал о его скандальном романе «Голубое сало» (1999). Дадим небольшую цитату, описание клона Ахматовой: «Второй РК Анны Андре-

евны Ахматовой. Инкубирована в ГЕН-РОСМОБе. Первая попытка — 51% соответствия, вторая — 88%. Объект внешне полностью соответствует оригиналу возраста 23 года. Выращен за 1 год 11 месяцев. Сильная патология внутренних органов: практически все смещены и недоразвиты. Сердце искусственное, печень свиная... Издаёт частые гортанные звуки, нюхает правое плечо и предметы».

Согласимся, что такое представление о сложном всё ещё чуждо нашему обществу, воспитанному на Пушкине, Толстом, Достоевском и хорошо знакомому с мировой литературой и не освобождённого до конца от неких реликтов высокой нормы. Именно эти реликты высокой — советской, русской и мировой — нормы Ирина Прохорова хочет любыми способами уничтожить. А чтобы их

уничтожить, надо, прежде всего, разрушить представление об СССР и о существовавших в СССР культурных нормах.

Именно для этого нужны разговоры о том, что СССР не был самой читающей страной, а если в нём и читали больше, чем в современной России, то совсем не то, что нужно. Для этого нужно создать примитивный убогий образ СССР в духе антиутопии — и именно над созданием такого образа советского общества трудится НЛО.

Последнее произведение, написанное в этом ключе и изданное И. Прохоровой, — книга Николая Байтова «Любовь Муры» (2013). Роман строится как переписка двух женщин в сталинские времена. По словам Прохоровой, это *«попытка через память, через эмоции показать те очень узкие границы, в которых люди могли тогда существовать*

эмоционально и социально». Издатель также отмечает, что между переписывающимися женщинами возникает любовная связь... Хотя подчёркивает, что речь идёт о платонической, а не лесбийской любви.

Для более эффективного решения задачи создания искажённой досоветской, советской и российской реальности издательство Ирины Прохоровой учредило литературную премию «Новая словесность» (НОС). Лауреатом этой премии за 2010 год стал всё тот же за-нафталиненный В. Сорокин.

Обозначено, что целью премии НОС является не только наградить то или иное произведение. Главная задача — это рождение «нового языка литературной критики». *«У нас нет проблем с писателями. Они как писали, так и пишут себе, — говорит Ирина Прохорова. — Но часто об их существова-*

нии просто никто не знает. Потому что сложилась ситуация, когда никто не может объяснить, почему это — гениально, а это — бездарно».

Надеюсь, читатель чувствует всю глубину замысла? Речь идёт о том, что Ирина Прохорова поможет воспитать людей, которые будут определять, что гениально, а что бездарно.

Пока же «новый язык литературной критики» находится на этапе формирования, предусмотрительно созданы специальные фильтры в виде фестивалей и премий. Сквозь эти фильтры проходит определённая литература... И фильтры эти могут оказаться действенными, так как Фонд Прохорова может сначала выбрать, какое произведение издать, потом издать его в своём издательстве и ещё, при желании, поставить его на

сцене.

Итак, советские, а значит, и досоветские, нормы будут разрушаться, а что нам предложат взамен? Что станет основой для создания новой «системы этических и эстетических ценностей», то есть пресловутой новой идентичности?

В конце октября – начале ноября 2013 года в Красноярске прошла VII Красноярская Ярмарка Книжной Культуры (КРЯКК). Эта выставка проходит в Красноярске каждый год, организаторами являются Фонд Михаила Прохорова и местное региональное руководство. В рамках последней книжной ярмарки вниманию посетителей были предложены пьесы швейцарских драматургов.

В данном случае мы имеем дело как раз с той самой схемой эффективного внедрения литературной продукции, речь о кото-

рой шла выше. Издательство Ирины Прохоровой — «Новое литературное обозрение» (НЛО) — выпустило книгу «Антология современной швейцарской драматургии». Дальше НЛО, Красноярский драматический театр им. А. С. Пушкина и учреждённый в 2008 году Фондом Прохорова Фестиваль современной драматургии «Драма. Новый код» (запомним, опять ДНК) провели в рамках Красноярской книжной ярмарки читку трёх пьес, вошедших в сборник: пьесы Лукаса Берфуса «Автобус», пьесы Мирьяма Найдхардта «Неофобия» и пьесы Оливье Кьякьяри «Доказательство обратного».

Каждая из трёх пьес заслуживает отдельного внимания, но мы отметим здесь «Неофобию». Речь идёт о фобиях, связанных с рождением ребёнка. Вот отрывок из этой пьесы:

Андреа (42): Если бы я была хозяйкой

ресторана, я бы повесила на двери объявление большими буквами: «Детям до 14 вход запрещён».

Петер (31): Я думаю, это вообще самое главное — завести семью, заботиться о ней.

Кристиан (37): Ребёнок не входит в мой жизненный план.

Розвита (35): Среди дня у меня бывает время, которое мне самой не нужно, и как раз было бы место для ребёнка.

Майя (47): Жизнь и так полна эмоций, поэтому ребёнок не является непрерывным условием для приобретения нового опыта, для счастья.

Прочтите этот шедевр стиля, ума, страстности и так далее. И сравните с любым аналогичной длины фрагментом из «ужасных совковых пьес» Розова или даже Тре-

нёва. Вспоминается, кстати, такой фрагмент из «совкового» фильма «Берегись автомобиля»: *«Кого мы только не играли в своих коллективах... лучше и не вспоминать! Не пора ли, друзья мои, нам замахнуться на Вильяма, понимаете, нашего Шекспира?»*...

Ранее мы показали, как Фонд Прохорова с замахом взялся за прочтение русской классики. А также за раскрутку темы сексуальных извращений и самоубийств. Теперь мы видим, в каком ключе и с каким замахом он взялся за тему детства. Кстати, за эту тему фонд и впрямь взялся достаточно основательно.

На Красноярской книжной ярмарке было представлено большое количество литературы собственно для детей: как младшего, так и старшего школьного возраста. Ирина Прохорова так объяснила необходимость работы

с детским сегментом книжного рынка: *«Существует советско-российская традиция ничего не говорить о реальных проблемах... У нас привыкли ограждать детей от неудобных вопросов — как будто вокруг них только бабочки летают и розовые зверушки скачут. А потом дети сразу попадают в абсолютно жестокий мир».*

О каких же «неудобных вопросах» будут рассказывать детям? Догадаться несложно. Раз уж платоническая любовь между женщинами — это хорошо, а советские бабочки — плохо, то детям явно будут рассказывать о реалиях, которыми уже нельзя удивить их западных сверстников: родители разводятся, и это нормально; папа и мама могут быть одного пола и не называться папой и мамой, а нумероваться...

Посещение на этом фоне Ириной Прохоровой прошедшего в момент красноярской ярмарки культурного события под названием «Ночь в библиотеке» выглядит вполне уместно. Тут как раз речь идёт о реалиях, созданных для молодёжи, воспитанной в «правильном» ключе. Герои «Мастера и Маргариты» для них как родные... современные рок-группы, люди с головами зверей, сияющей красный крест и картины с мёртвым Лениным... Всё привычно и уже почти не вызывает ни удивления, ни интереса.

Вот только что будет с обществом, идентичность которого начнут выстраивать на культурной базе, предложенной Ириной Прохоровой?

Мария Рыжова